

Наталья Нестерова

Уравнение
со всеми
известными

Любовь —
это единственная вещь,
которую мы можем подарить,
и все же она у тебя остается

Разговор по душам

Наталья Нестерова

Уравнение со всеми известными

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Уравнение со всеми известными / Н. Нестерова — «Издательство АСТ», 2018 — (Разговор по душам)

ISBN 978-5-17-112670-4

У подруг Анны и Веры всё было отлично – любящие мужа, обеспеченное существование. Казалось, женскому счастью не будет конца. Но в один момент всё изменилось: у Анны на руках оказываются муж-инвалид и маленькие дети – тихой спокойной жизни наступил конец. У Веры из-за лжи и лицемерия семейная идиллия тоже разлетелась в пух и прах. Что делать? Принять удары судьбы и покориться раз и навсегда? Или снова выбиться в отличницы? Вера, всю жизнь мечтавшая о ребенке, узнает, что сможет стать матерью, но ценой, которую захочет платить далеко не каждая благополучная женщина. Анна становится главой частной клиники. Она, давно отошедшая от гинекологической практики, теперь руководит очень непростым врачебным коллективом и каждый день ищет верное решение уравнения со всеми известными по имени ЖИЗНЬ...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112670-4

© Нестерова Н., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	49
Глава 11	51
Глава 12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Нестерова
Уравнение со всеми известными
Роман

© Н. Нестерова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая 1990 год

Глава 1

Самойловы вернулись из заграничной командировки. Они пробыли в Перу три года, накопили денег и купили трехкомнатную квартиру в Крылатском. Нынче состоялся переезд.

Анна бродила по лабиринтам из мебели, узлов, коробок и нервно шелкала суставами пальцев. Когда-то давно, еще подростком, отучила себя от этой привычки, но в минуты волнений забывалась.

Юра уехал забирать дочь Дарью. Полчаса назад позвонили из милиции, выясняя, не пропала ли у них девочка пяти лет, волосы темные, хвостик перехвачен разноцветными резинками, одета в джинсовый сарафан и белую кофточку.

– Не пропала... – пробормотала Анна. – Растяпа, старая перечница! Ведь предупреждали. Тысячу раз предупреждали!

Свекровь Луизу Ивановну предупреждали, что с Дарьи нельзя спускать глаз ни на минуту. Она как молоко на плите: зажевался – обязательно убежит. А если вдруг становится тихой и ласковой – верный признак готовящейся шалости.

На детском празднике в посольстве Анна на несколько минут отвлеклась, раскладывала торт на тарелки. Увидела, что общество собирается вокруг Дарьи, ринулась к эпицентру – и не успела. Умиленные дипломаты и их жены слушали, как Дашенька читает стихи, которые ей не дали продекламировать со сцены. Анна подбежала как раз в тот момент, когда репертуар закончился и Дарья заявила послу:

– Подбери соплю, чудило!

Накануне дочь выясняла смысл этого выражения, подхваченного у русских строителей, работавших в посольстве.

Жаргонные и вульгарные слова Дарья усваивала мгновенно. Чутким умишком отмечала исключительность подобных слов, видела реакцию на них и с удовольствием использовала.

В прошлом году Даша на месяц ездила к родственникам в рязанскую деревню. Обратную дорогу в электричке Анна вспоминает как постыдный кошмар. Трехлетняя девочка – кудрявый ангелочек – стояла на лавке (чтобы побольше народу видело, отчаянно сопротивлялась попыткам усадить ее) и рассказывала о прелестях деревенской жизни, перед каждым словом неопределенным артиклем вставляя матерные выражения. Вагон дрожал от смеха и возмущения.

Неоднократное битие и наказания успеха не приносили. Дарья употребляла неприличные слова тайно да еще обучала им других малышей. Только когда Анна однажды, после жалоб возмущенных родителей, расплакалась, Дарья дала честное-пречестное слово больше не материться, «но если у меня, как у дяди Лени, вырвется, пусть меня не ругают».

Правда, Даша поражала окружающих не только своим хулиганством, но и способностями к чтению и языкам. Буквам она заставила себя выучить в два с небольшим года, потому что соседский мальчик шел в первый класс и ему следовало утереть нос. С четырех лет она читала самостоятельно, одну книжку за другой.

Вот наконец и звонок в дверь. Дарья сидит у отца на руках.

– Мапочка, как я тебя рюбрю! – завопила дочь и театрально прижала руки к груди.

Последние три дня она произносила все «л» как «р». До этого неделю картавила, а еще раньше – шепелявила.

– Что случилось? Как ты оказалась в милиции?

Анна заставила дочь спуститься на пол и провела беглый осмотр: целы ли руки-ноги.

– Она попрошайничала в троллейбусе, – сказал Юра.

– На испанском языке, – вставила Даша гордо.

Анна села на ближайшую коробку, стоять ей было тяжело: мешал живот, в котором уже несколько месяцев ворочался Дашин братишка.

– Как попрошайничала? Почему? Ты что, голодная? Нищая? А где была бабушка?

– В магазине, – пояснил Юра, – стояла в очереди, а Дашка тихо улизнула, села в троллейбус и клянчила там деньги. Действительно на испанском. Правда, ее никто не понимал.

Дарья болтала на испанском свободно, а Анне за три года жизни в Лиме удалось освоить только магазинную лексику. Она выразительно посмотрела на мужа: «Твоей маме ничего нельзя доверить. Теперь убедился?» Юра отвел глаза и пожал плечами.

– Один дядечка поняр, – сказала Даша. – Он перевер, что я приехара в Москву сручайно и теперь мне нужны денежки на обратный бирет.

– Прекрати коверкать язык! – прикрикнула Анна. – Какой дядечка? А если бы он тебя не в милицию, а в... неведомо куда отвел?

Она хотела еще добавить, что дочь своими фокусами до могилы ее доведет, но сдержалась. Не следовало часто пускать в ход оружие жалости. Оно было едва ли не единственным в воспитании Дарьи.

– Пойдем Кирку кормить? – предложила Даша.

Кириллом решили назвать ее братика, который должен был появиться на свет через месяц. После того как однажды ночью Дарья пробралась в спальню родителей с резиновой грушей, наполненной кока-колой, чтобы через мамин пупок впрыснуть любимый напиток братику, в каждый прием пищи порции теперь делили на то, что предназначается маме, и то, что пойдет братишке. Кирилл, по Дарьиному мнению, предпочитал сладости и шипучие напитки.

– Иди умывайся, – сказала Анна устало. – И если ты еще раз когда-нибудь будешь притворяться нищей, я... я не знаю, что с тобой сделаю.

Дарья ускакала, а Анна обняла ноги мужа и прижалась лицом к его бедру.

– Ну, в кого, в кого она у нас такая?

Юра ласково гладил жену, а когда увидел, что у нее закапали слезы, поднял и крепко обнял. Он прижал ее голову к своему плечу и наклонился к уху:

– Все в порядке, успокойся. Представляешь, еще один такой чудик?

– О нет! – простонала Анна.

Но в ее голосе уже не звучало отчаяние, это была своего рода игра в негодование. Так говорят родители, пересказывая детские шалости, и возмущение плохо маскирует восхищение поступками, немыслимыми для них самих.

Юра почувствовал легкий толчок в бок и положил руку на живот Анны.

– Барахтается, – улыбнулся он, прислушиваясь. – Мне так нравится! Давай ты постоянно будешь беременной?

– Что-о-о?

– Ладно, ладно, без паники. Слушай, а они не ошиблись, что мальчик?

– Нет, – покачала головой Анна. – Два раза, ультразвук делали в Лиме. Он лежал, вполне ясно демонстрируя свою половую принадлежность.

– А на кого он похож?

– Ну, Юра! – рассмеялась Анна. – Что там видно на экране?

– Интересно, причинное место видно, а нос нет? Какого же оно размера?

– Вот теперь мне ясно, откуда у дочери интерес к гениталиям и словам, их обозначающим. Охальник!

За ужином Анна рассказывала о походе в ближайший универсам.

Ряды контейнеров с гранатовым соком – вакса, сильно разбавленная. И больше ничего, то есть абсолютно ничего. Из подсобки вывезут тележку с вареной колбасой или сыром – народ толкается, почти дерется. В итоге пила хлеб и рванный пакет с кефиром. Дарья пить отказывается, требует йогурт.

– А Корька не знает, что такое йогурт, – встряла Даша.

– Кто такой Колька? – спросил Юра.

– Сын наших соседей, – пояснила Анна. – Сегодня познакомились. Очень симпатичные люди. Наши ровесники. Он таксист – Славой зовут. Она – Марина, учительница младших классов, работает в школе, что из нашего окна видна. Показали мне свои запасы. Мамочка родная! Как на подводной лодке. Мешок гречки, мешок риса, ящик макарон, штабеля немецкой тушенки, гуманитарной ее называют – помощь от Германии. Они на запасах полгода продержатся. И так у всех. Народ напуган предстоящим повышением цен и все сметает, все – в закрома. Мы же на рынке покупаем, цены в пять – десять раз выше. Короче, все свои накопления мы в скором времени просто проедем, – упрекнула неизвестно кого Анна.

– О деньгах не волнуйся, – уверенно сказал Юра. – Вчера, не успел тебе рассказать, у меня состоялась окончательная беседа с начальством. Два года я – начальник цеха в Шереметьеве-два, и в конце девяносто второго меня планируют в Испанию. Так что выкрутимся, проживем. Два месяца отпуска впереди, квартиру приведу в порядок. Машиной займусь. Хоть и новая, а проверить и обработать антикоррозийкой ее надо. В магазины буду тебя возить. И после Кириного рождения помогу дома. Дарья! Мы будем маме помогать?

– Да, – ответила дочь машинально. Ее волновало другое. – У Корьки два зуба выварились. Впереди. Через дырку здорово свистеть поручается. Я тоже хочу свистеть. Борьно зубы выбрасывать?

– Очень больно, – заверил Юра. – Подожди, скоро постареешь, и они у тебя начнут сыпаться. А соседи, с их запасами, помяните мое слово, разведут нам тараканов и мышей. Дарья, ты боишься мышей?

– Замечательная тема для застольных разговоров, – возмутилась Анна. Но, увидев, как загорелись глаза дочери, поправилась: – Дашенька, ты помнишь, в Лиме мы видели однажды таракана? Огромный, как папин палец, и летает. А в Москве тараканы маленькие, как твой мизинец.

– Страна большая, а тараканы маленькие, – заметил Юра. – Но много. Числом берем.

Анна плохо засыпала по ночам. В конце первой беременности было то же самое. На живот, как привыкла, не уляжешься, да и ребенок вертится. Его движения не дают расслабиться, но если пропадают, то начинаешь волноваться – все ли с ним в порядке.

О чем бы помечтать? В юности любила грезить. А сейчас не мечтается, одни планы на будущее в голове. И прекрасно. Значит, ее жизнь лучше всяких мечтаний. И есть приятные воспоминания.

Юра окончил Московский авиационный институт. Они и познакомились в клубе МАИ. Студенческий спектакль-капустник, на который Анну и Ольгу привела москвичка Ирина, был захватывающе остроумным и веселым. Анна хохотала до колик. Молодого человека, сидевшего впереди, но развернувшегося спиной к сцене и не спускавшего с нее глаз, не замечала, пока Ольга не толкнула ее в бок. Захваченная настроением бурлеска, Анна скорчила дерзкую рожицу и показала парню язык. Он усмехнулся и отвернулся. Потом Анна еще несколько раз посматривала в его сторону, но видела только широкую спину и крепкий затылок.

Когда спектакль закончился и они пробирались к выходу, Анна думала о том, что обидно после такого веселья спуститься в метро, ехать в автобусе, завалиться спать в общежитии – и только.

Юра вместе со своим другом и однофамильцем Игорем Самойловым, который только что блистал на сцене, догнали их на улице. Игорь совершенно серьезно сообщил девушкам, что в МАИ есть правило: всех зрительниц женского пола доставлять после спектакля по месту прописки. Возражения в расчет не принимаются. И если девушки не позволят идти рядом и вести беседу, они будут сопровождать их тихой тенью.

Девушки не возражали. Внимание артиста – это лестно. О том, что Игорь играл роль троянского коня, она узнала значительно позже.

На площади Свердлова разделились. Ольга ехала ночевать к Ирине, их вызвался провожать Игорь. А Юра – ее, скованную и притихшую. Анне было неловко за ту ребячью выходку. Кроме того, Юрий был очень «взрослый» – именно это слово приходило на ум. Он окончил институт три года назад, отслужил в армии и теперь работал инженером по ремонту самолетов в Шереметьеве. Но дело было даже не в возрасте. Его окружала не юношеская, а мужская аура взрослости – уверенности, спокойствия.

Юра расспрашивал ее о медицинском институте, в котором Анна училась на третьем курсе, рассказывал о МАИ и своей службе в авиации. Анна вымучивала скудные ответы и междометия.

«Решит, что я дура, – думала она. – Сначала хохотала как ненормальная, а сейчас слова не могу выдать».

Они подошли к дверям общежития. Аня быстро протянула руку и пробормотала:

– До свидания. Спасибо, что проводили.

Юра задержал ее руку:

– Послушайте, Аня, давайте я вам тоже покажу язык? И мы будем в расчете.

Он действительно показал ей язык. Нелепо сожмурив глаза, открыл рот, будто на приеме у врача. Анна расхохоталась.

– Вашим смехом можно торговать, – сказал Юра. – Он заменяет бутылку хорошего вина.

Они встречались около года. Анна привыкла к Юре, уже не чувствовала себя несмышленной девчонкой рядом с серьезным дяденькой. Его взрослость больше не пугала – напротив, оказалась удобной и приятной. В нем не было юношеской нетерпеливости, дрожания нахальных рук, сбивчивого дыхания и желания быстрее всю ее опробовать жадными губами. Юра даже не пытался поцеловать ее. Вел себя как старший брат, которому поручили опекать сестренку.

Эти братские отношения довели Анну до мучительного томления. Она уже не сомневалась, что любит Юру. А он проявлял только заботливое участие. Из носа не потекло? Платочек дать? Мороженое купить? По ночам Анна строила планы провокаций, которые вынудили бы Юру перейти к эротическим атакам. Но то, что ловко складывалось в мечтах, в реальной жизни быстро рассыпалось. Анна могла дурачиться как ребенок, но соблазнять как женщина не умела.

После изнурительной сессии и практики в больнице, перед ее отъездом домой, в Донецк, Юра предложил съездить на Ладогу. Вообще ее жизнь с появлением Юры заметно изменилась материально. Он, конечно, не содержал ее, Анна по-прежнему жила на стипендию и те крохи, что присылала мама. Экономила на еде, чтобы покупать у однокурсников-иностранцев джинсы, блузки, колготки. Но Юра довольно часто водил ее в рестораны, они могли на выходные или в праздники отправиться в Ленинград, Прибалтику. Останавливались (Анна впервые в жизни) в гостиницах, в разных номерах, естественно.

Подружки были убеждены, что их отношения давно за рамками пионерской дружбы. И разубеждать их было неловко. Да что там подружки, даже Юрина мама, Луиза Ивановна, не питала на этот счет никаких сомнений. Она относилась к Анне доброжелательно. Выяснила, как Аню зовут дома, и величала также – Нюрочкой. Но однажды Анна засиделась у них дома –

по телевизору показывали чемпионат по фигурному катанию, – и Луиза Ивановна тихо шепнула ей:

– Нюрочка, не стесняйтесь меня, оставайтесь. У Юры ведь своя комната.

Возможно, даже определено, Луиза Ивановна действовала из благих побуждений. Но Анна обиделась: «Хочет, чтобы у сына была приходящая девица. И толкает меня в его кровать. Не важно, что я сама не прочь там оказаться. Зачем в спину подгонять?»

Ладога, строгая и могучая красота Русского Севера потрясли Анну. Она выросла на Украине, восхитительной ранней весной и летними ночами. Само же южное лето, знойное, выжигающее, высушивающее все краски на раскаленной земле, вызывало ощущение климатического испытания – надо потерпеть, дожидаться осени, спрятаться, пока не придет вечерняя прохлада.

Здесь, на Севере, летом была жизнь, а не переживание. Краски, особенно зеленые, – свежие и насыщенные: бутылочная зелень еловых иголок, оттенки травы – от салатного до темно-зеленого, ажурное кружево мха, ягодные кустики, семейки упругих грибов – все было красиво до бутафорности.

И простор. Удивительный простор Ладоги. Не степное марево с полынным и жарким, как из духовки, воздухом. А свежее, прозрачное водное раздолье. Хотелось лететь, плыть в хрустальной прохладе и дышать, дышать, запасаясь впрок лесными запахами.

Окружающая красота настолько захватила Анну, что она даже перестала терзаться неопределенностью отношений с Юрой. Тем более что источник ее переживаний вот он, никуда не делся, шагает рядом.

Анна присела у кустиков земляники. Обрывала ягоды, складывала их в ладошку и отправляла в рот. Юра потерял ее. Стоял в десяти шагах, но не видел за кустарником.

– Нюра! – крикнул он.

Анна молчала, смотрела на него и продолжала лакомиться земляникой.

– Аня, ты где? А-а-н-я-а! – звал Юра.

Она тихо прыснула. Кричит уже три минуты и крутится на одном месте. Похоже – злится. Пусть, не страшно.

– Я тебя найду и отшлепаю! Нюра!

– Ой, боюсь! – завопила Анна и бросилась в лес.

Она мчалась между стволами, перепрыгивала через поваленные деревья.

– Люди добрые, помогите! Лешак, лешак нападает!

Она не слышала его бега, но чутьем угадывала, что расстояние между ними сокращается. Оглянулась. Так и есть, еще секунда – и он схватит ее. Анна шмыгнула за дерево, потом за другое. Какое-то время ей удавалось, обманными бросками, ускользать от Юры, но не долго. Он разгадал ее тактику, и Анна с разбегу врезалась преследователю в грудь. Юра схватил ее и пресек попытку вырваться.

Анна хохотала. Неизвестно почему. Потому что она молода и хороша собой, потому что лес красивый, потому что Юра всегда восхищается ее смехом – по всем этим причинам и еще по сотне других, трудноформулируемых.

Усилием воли стянула губы в трубочку и нахмурила брови.

– Использовать физическое превосходство – не благородно, – прошепелявила она через трубочку.

Юра ничего не ответил и поцеловал ее.

Случись это в другой обстановке, Анна наверное бы расчувствовалась, бросилась ему на шею. Но сейчас, после бега и хохота, – никакого возбуждения. Вообще ничего особенного, словно ее поцеловал родственник, муж сестры Татьяны например.

Она облизнула губы и задумалась, как будто ей дали попробовать экзотический фрукт и теперь она прислушивается ко вкусу во рту. У нее земляника, у него земляника – ничего нового. Анна слегка поморщилась и отрицательно покачала головой.

– Нет, – она выскользнула из рук Юры, – мне не понравилось, – и отвернулась, чтобы он не видел ее счастливой улыбки.

Подобное чувство, только в десять раз слабее, она переживала, получив зачетную книжку, которую сдавала преподавателю вместе с лабораторной работой. Пока оценка не представлена, мучили сомнения: я все сделала неправильно, я тупая, глупая, получу двойку. А открыв зачетную книжку и увидев «отлично», расслаблялась и ликовала: я умная, замечательная, будет у меня повышенная стипендия.

Анна начала тихонько удаляться. Походкой насмешницы и подстрекательницы: прижав руки к телу и оттопырив кисти, быстрыми мелкими шажками.

– Ах, не понравилось? – рассмеялся Юра. – Ну, погоди!

И догнал ее в три прыжка.

У них не было долгих объяснений, а сразу разговоры о свадьбе. Планировали, что поедут вместе в Донецк, чтобы Юра познакомился с мамой и сестрой Анны. Заявление нужно подать прямо сейчас, по приезде в Москву, а свадьбу сыграть в сентябре или в начале октября.

Оставшиеся десять дней в доме отдыха они редко выходили из комнаты и сломали казенную кровать.

Иногда Анна плакала – не знала, что чувствовать дальше. Забравшись на гору, альпинист спускается вниз. А здесь не было «вниз». И «вверх» тоже кончилось.

Первый раз, когда у нее полились слезы, Юра растерялся.

– Что? – спрашивал он. – Что я сделал?

– Ты меня всю вытряхнул. У меня внутри не осталось ни одного моего органа, в голове – ни одной моей мысли. Везде – только ты. Я боюсь! Мне кажется, что без тебя я теперь не смогу ни дышать, ни ходить, ни думать.

– Все правильно. – От его объятия у Анны хрустнул позвоночник. – Ой, прости. У меня тоже осталось очень мало, что я могу сделать без тебя. Хочешь, я буду водить тебя в туалет?

– А я – тебя?

– Нет, это как раз и есть то малое, что мне придется делать самому.

– Ты деспот?

– Да. А ты – необыкновенная женщина. Я не ожидал, что ты такая необыкновенная.

Если она необыкновенная, то были другие, обыкновенные? Все чувства у Анны теперь обострились, и она от слез легко переходила к веселью, от ликования к грусти. В самом деле: Юра неутомимый, здесь, сейчас... А раньше? Когда они только ходили в кино и даже не целовались? Где-то он должен был растрчивать прорву энергии?

Юра ловко ушел от ответа, переведя стрелки на нее же. Анна удивительно соблазнительная и отзывчивая, будит в нем зверский аппетит. И все-таки? Ну была девушка, слава богу, замуж вышла за другого. И более никакой информации – маленьким девочкам нечего совать нос в жизнь взрослых мужчин.

«Взрослый мужчина» в ответ на ее рассказ о школьном романе с Борисом Прокопенко покрылся красными пятнами от злости. Да, письмами заваливает. Жалко его, и иногда она отвечает на послания. И вообще подразумевалось, что Анна окончит институт, вернется домой и они поженятся.

– Это я на тебе поженюсь! – рявкнул Юра. – И больше не упоминай о своих воздыхателях! Я им головы откручу.

Потом успокоился и добавил:

– Грешно толкать меня на убийства юношей.

Глава 2

В медицинском кооперативе Костя Колесов работал три вечера в неделю по три часа. Платили в два раза больше, чем за полторы ставки в психиатрической больнице.

По понедельникам он занимался с группой из пяти человек. Самому старшему в ней, Игорю Петровичу, было шестьдесят пять, а самому младшему, Коле, недавно исполнилось семнадцать. Еще там были Наденька, упорно считавшая себя дурнушкой, скромный тихоня Виктор и потерявшая в автомобильной аварии мужа и дочь Татьяна. Колесов первым из специалистов его профиля занялся коллективной психотерапией и был доволен результатами, которые вполне могли служить темой для докторской диссертации.

По средам к Колесову приходили старые пациенты – те, кто упорно держался за свои неврозы, всячески лелеял их, хотя и заявлял о желании от них избавиться. Это были разные люди, зануды и симпатяги, мизантропы и альтруисты, деспоты и жертвы чужой деспотии, но Колесова их бытовые характеристики волновали лишь настолько, насколько помогали им избавиться от сладкой ноши застарелого невроза. Его задача заключалась в том, чтобы привести больного к «озарению» – к состоянию, когда он объективно поймет истоки своих невротических реакций, душевного дискомфорта и пожелает эти истоки иссушить, дабы стать здоровым. Со всеми пациентами Костя держался ровно и приветливо. Они в большинстве своем любили его, и каждый считал, что именно к нему доктор особенно внимателен. В этом была и доля истины, и элемент профессиональной игры в исключительность. Для самого Кости в работе заключались смысл, удовольствие и содержание жизни. Особенно последние пять лет после развода с женой.

В пятницу он принимал новеньких. Кооперативное начальство давно предлагало уйти из больницы, соблазняли двумя ставками. Но Костя не мог отказаться от клинической практики – привык к ней, врачей в больнице не хватало, материал для докторской еще не собран. Он рекомендовал в кооператив своего приятеля и коллегу по больнице Мишу Гришина. Он немного разгрузил поток пациентов к Косте, который уже назначал повторные приемы не раз в неделю, как следовало, а реже. Нужно бы вообще прекратить принимать новеньких, но кооперативщики решительно противились. По их принципам, если пациент желает доктора Колесова, то именно его и должен получить.

Нынче была пятница. В регистратуре Константин с облегчением узнал, что к нему записан лишь один человек. Ночью Костя дежурил в приемном покое, покой которого трижды нарушался «скорыми» с алкоголиками в белой горячке. А днем обычная круговерть: конференция врачей, обход, записи в истории болезни, два консилиума, одно заключение для милиции, три беседы с родственниками больных.

Пациентка уже ждала его возле кабинета с табличкой на двери «Психоаналитик. Кандидат медицинских наук К. В. Колесов». Костя обратил внимание на прическу женщины – гладко убранные назад русые волосы собраны на затылке в узел с изящным гребнем. Костя грешил характерологическим формализмом – по внешним признакам судил о характере. Он считал, что женщины невротического склада или рефлексирующие по поводу своей внешности закрывают волосами лоб, виски, щеки – прячут себя от посторонних взглядов. Натуры цельные, самодостаточные или, напротив, равнодушные к себе, любят прически, открывающие лицо.

Но эти наблюдения были скорее игрой ума, а не аргументом в пользу диагноза. Глупо в фантазии парикмахера искать подсказки.

– Добрый вечер, – поздоровался Константин. – Через пять минут я вас приму. Хорошо?

Последняя часть вопроса была вовсе не обязательна. В самом деле, что можно ответить? «Нет, не хорошо»? Но он, этот вопрос, создавал видимость некоей зависимости врача от пациента, в противовес всегдашней и для многих неприятной зависимости пациента от врача.

– Здравствуйте. Конечно, – ответила спокойно женщина.

Именно спокойно. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее взгляде не было привычного сплава смущения, робости, надежды, подозрительности, недоверия и желания разгадать: что за человек этот доктор, поможет ли он мне.

«Интересно», – подумал Константин, входя в кабинет. Он снял плащ, поставил у стола портфель и, подняв руки, с удовольствием, с тихим рыком, потянулся. Ожившие мышцы напряглись, расслабились – кровь побежала быстрее.

– Отлично, – пробормотал он.

По дороге в поликлинику настраивал свои утомленные мозги на три часа работы, а требуется только час. Так бывает, когда тащишься домой вечером, усталый и голодный, в неприбранную квартиру и проклинаешь те полчаса, которые понадобятся, чтобы приготовить ужин. А дома обнаруживаешь, что побывала мама, навела порядок и оставила массу вкуснятины.

Костя сделал несколько боксерских ударов в воздух, а затем приседаний. «Ей от двадцати до двадцати пяти, лет на пять меня младше, – подумал он. – Закурить бы».

Но доставать сигареты не стал. Если от тебя несет табачищем, то даже курящему пациенту общение с тобой удовольствия не доставит.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил он, открыв дверь. – Вот сюда.

Костя показал рукой на кресла у журнального столика и торшера в углу. Часто пациенты по привычке направлялись к письменному столу. Разговаривать там, в положении «начальник – посетитель», было нелепо. В кабинете западного психоаналитика пациент возлежит во время исповеди на специальной мягкой кушетке. Таковая имела и у Колесова. Но во время первого визита Костя пациента на нее не укладывал, а приручал к себе. Дважды у него были больные, которые на кушетке впадали в ступор. Как оказалось, девушка нервничала, опасаясь, что доктор увидит штопку на чулке, а аккуратист Игорь Петрович боялся измять брюки.

Мягкие кресла располагали к тому, чтобы занять удобную позу. Но спина женщины осталась ровной и прямой без напряжения. Пианистка, наверное.

– Как вас зовут? – спросил Колесов.

На коленях он держал планшет с зажимом, удерживающим листы бумаги. Небольшой наклон планшета исключал возможность прочитать записи. Да и прочитав, неспециалист вряд ли что-нибудь в них понял.

– Вера Николаевна Крафт. Мне двадцать шесть лет. Замужем. По профессии экономист-международник. Работаю в Институте стран Азии и Африки Академии наук.

Все это она произнесла ровным спокойным голосом, безо всяких дополнительных вопросов со стороны Колесова. Услышав название института, он поднял голову от бумаг. В этом институте работал Игорь Петрович. Когда-то в подобные учреждения было трудно попасть. Туда пристраивали жен и дочерей номенклатуры после престижных вузов. Нынче академические институты влачили полуголодное существование: денег на исследования не было, нищенскую зарплату задерживали по несколько месяцев. Тяжелый невроз у Игоря Петровича развился потому, что дело всей его жизни – исследование истории и культуры одного центральноафриканского племени – оказалось никому не нужным. Плюс одиночество вдовца, возраст, в котором ни сил, ни желания заводить новые отношения не было.

– Да, вы правильно поняли, – Вера Николаевна кивнула, – действительно, мне посоветовал обратиться к вам Игорь Петрович. Мы работаем в разных секторах, но давно знакомы, он бывает в нашей семье. Не считите за дежурный комплимент, но, по-моему, вы ему очень помогли.

– Дай бог, – ответил Колосов. – А что же за проблемы волнуют вас?

– Они связаны не со мной лично, а с моей свекровью, Анной Рудольфовной Крафт. Меня беспокоит ее психическое состояние, настроение, неадекватная реакция на окружающее.

Костя слушал, не делая никаких пометок – они не имели смысла. И никакого анализа параллельно рассказу не совершалось в его мозгу – не нужен был этот анализ. Он просто слушал красивую русскую речь. Обычно человек, зарядившийся на монолог, достает из своего лексического подвала мешок слов и перебирает их, одни и те же, как бочонки лото. Вера Николаевна не повторялась, она находила слова, отражающие оттенки одинаковых явлений. Строй ее предложений был несколько правильно книжный, обычно люди говорят лаконичнее и проще, но в нем была завораживающая плавность родного языка. Она не употребляла жаргонных и модных слов, не говорила «че» вместо «что» и «шейсят» вместо «шестьдесят». Произносила фразу, словно развертывала конфетку.

«Ей бы русский преподавать, – подумал Колесов. – Послушаешь эту даму, и стыдно будет писать с ошибками».

Вера Николаевна рассказывала о своей свекрови, вдове посла и высокого чиновника МИДа. Рассказывала, не жалуясь и не обвиняя вздорной, по всей вероятности, старухи. Ни обиды, ни раздражения – ни одной фразы, смысл которой заключался бы в справедливом негодовании: «А каково мне?» Веру Николаевну беспокоило то, что Анна Рудольфовна практически постоянно находится в дурном расположении духа, предвзято судит об отношении к ней родных и близких, не видит хороших сторон в характерах людей, придумывает им пороки или преувеличивает недостатки.

– Она укуталась в кокон обид и подозрений, никого не подпускает, чтобы найти кончик, взяться за него и распусть этот кокон, – говорила Вера Николаевна.

Константину следовало остановить ее, но он только понимающе кивнул. Оплачены пятьдесят минут, а не прошло и получаса. Еще есть время.

– В конечном счете, – продолжала Вера Николаевна, – мизантропия оборачивается против самой Анны Рудольфовны. И не только в плане психологическом, но и в самом прямом, физическом. Прошлой осенью едва не произошла трагедия. Мы собирали в лесу грибы. В кузовке Анны Рудольфовны оказались неизвестные нам экземпляры, по всей вероятности поганки. Но она решительно отказывалась с ними расстаться. Мне бы выкинуть их тихонько, но тут случилось другое происшествие: Дашенька, дочь наших друзей, наступила на гвоздь. Поднялась суматоха. Пока мы ездили в больницу на перевязку, делали прививку от столбняка, Анна Рудольфовна пожарила свои грибы и в одиночестве съела. Отравление было тяжелым, хотя и без госпитализации. Она упорно до сих пор считает, что виной ее интоксикации послужили не грибы, а котлеты, которые были в тот день на обед. Здравый аргумент, что ни с кем другим неприятностей не произошло, во внимание принимать отказывается.

– Вера Николаевна, я вас прерву, – сказал Костя. – Я хотел бы уточнить. Вы пришли ко мне, чтобы я посоветовал вам, каким образом можно скорректировать эмоциональное состояние вашей свекрови?

– Да, – кивнула Вера Николаевна, – я ведь понимаю, что все происходит от потери интереса к жизни. Но где найти этот интерес, не знаю. Внуки? Чтобы реально влиять на их воспитание, нужно ежедневно вникать в их жизнь, в их взросление. А это требует больших душевных да и временных затрат. Ту светскую жизнь, к которой она привыкла за границей в качестве жены посла, мы объективно вести не можем. Увлечения вроде садоводства или коллекционирования ей тоже чужды.

– Вы сказали «внуки»? Сколько лет вашим детям?

– У меня нет детей, – ответила Вера ровным голосом.

Но Костя отметил, что у нее дрогнули ресницы и брови. Какой-то проблемный узел, связанный с детьми.

– Я имела в виду наших племянников. Они живут сейчас во Франции. – Вера чуть запнулась. – Анна Рудольфовна не очень привязана к семье старшей дочери.

– Вернемся к вашему замечанию, что Анне Рудольфовне не интересно садоводство и прочие забавы пенсионеров. Вы, стало быть, хотите, чтобы хобби для вашей свекрови предложил я?

– Нет, что вы! Вы меня неправильно поняли. Точнее, это я сумбурно излагаю. Старейшим людям помогают продлить активную жизнь терапевты и множество других специалистов. Возможно, и психику пожилого человека можно корректировать. Верно?

Константин кивнул с легкой гримасой, как кивает инженер дилетанту, который вздумал ему, специалисту, на пальцах объяснять работу чуда техники.

– Раз уж вы прибегли к медицинским сравнениям, то ответьте мне, Вера Николаевна, придете ли вы, допустим, к хирургу с рассказом о симптомах аппендицита у вашего родственника? Что ответит вам врач?

– Что он должен осмотреть больного, – улыбнулась Вера Николаевна.

Улыбаясь, она теряла свой каменный аристократизм. Светская дама превращалась в гимназистку-подростка.

– Совершенно верно. О проблемах вашей свекрови я могу говорить только с ней самой. Причем она сама должна пожелать изменения, коррекции, как вы упомянули, психологического настроя. Заочно проводить психоанализ дело сложное и неблагодарное. Вы по многим причинам не можете стать проводником моего влияния на Анну Рудольфовну. Возможно, корни ее депрессии находятся вовсе не там, где они кажутся зарытыми с точки зрения здравого смысла и житейского опыта.

– Нет, – Вера отрицательно покачала головой, – она никогда не согласится. Странно, правда? Столько лет прожила в Западной Европе, у многих ее тамошних знакомых визиты к психоаналитику – привычное дело.

Вера не стала добавлять, что Анна Рудольфовна ни в грош не ставит отечественных специалистов. Но Костя и сам об этом догадался. «Избалованная старушенция, – подумал он, – уверена, что российский врач не способен разобраться в ее тонких душевных переживаниях». Но вслух он сказал другое:

– Ничего странного тут как раз нет, картина скорее типичная. Даже если человек страстно желает излечиться от невроза, в его психике параллельно действуют защитные механизмы, сопротивляющиеся этому стремлению. Внешне это слегка походит на любование собственными недостатками.

«Какое славное у него лицо, – думала Вера. – Чем-то напоминает Юру Самойлова. Такой же высокий, и в облике есть общее. Но Юра как статуя Командора – гранитная несокрушимость и твердость. Юру высекли топором, а над Константином Владимировичем трудились тонким инструментом».

– Давайте взглянем на ситуацию с другой стороны, – предложил Костя. – Ваша свекровь, безусловно, является своего рода эмоциональным агрессором. Скорее всего, это не вина, а беда ее. Есть такой важный психоаналитический термин «перенос» – когда больной бессознательно ищет объекты, на которые он перенесет свои агрессивные побуждения. – Костя поймал себя на том, что витийствует, старается понравиться. – Вы, как мне кажется, в силу многих обстоятельств – семейного положения, особенностей характера – один из наиболее притягательных объектов подобной агрессии. Если на человека нападают, он должен уметь защищаться, в противном случае либо его уничтожат, либо нанесут тяжелые увечья – все как на войне. Словом, мы можем поговорить о вас, выработать вашу линию поведения и внутренней защиты. Но для этого мне нужно именно вас, а не вашу свекровь знать более глубоко.

– Спасибо, – Вера Николаевна снова покачала головой, – у меня в этом нет необходимости. Я на нее не обижаюсь. Вернее, обижаюсь иногда, конечно, но это...

Она замялась, развела руками, потом сложила ладони.

– Раз уж так разболталась, – улыбнулась она, – скажу. Я человек верующий. Нет, нет, это не дань моде. Моя мама и бабушка – они тоже всю жизнь верили в Бога. Скрывались, боялись навредить карьерам мужей, но верили и даже тайком ходили в церковь. Так вот. Я как-то готовилась к исповеди и вспомнила два своих греха. Первый заключался в том, что я не дала денег займа своей приятельнице. Она хотела купить шубу, а у меня были отложены деньги на ремонт ванной. Я решила, что ее очередная шуба не важнее моего осыпавшегося кафеля. А второй грех – как раз в том, что капризы Анны Рудольфовны иногда вызывают у меня внутреннее раздражение и обиду. Батюшка о деньгах, не данных займа, сказал, что это вообще никакой не грех, так как моя обязанность прежде всего блюсти интересы своей семьи. А за обиду на свекровь попенял. Потому что я не вправе судить другого человека, не я дала ему жизнь и не мне судить о его прегрешениях. Вы думаете, что все это глупости?

Вера Николаевна задала этот вопрос, потому что лицо Кости не походило на бесстрастный лик эскулапа. Так смотрят на женщину, которая с каждой минутой все больше нравится.

– Ни в коей мере, – успокоил он ее, заставляя свои мысли вернуться в привычную колею.

– Хотя я сам человек не религиозный, но считаю, что вера врачует определенный тип людей лучше любых лекарств. Правда, у церкви и опыта побольше – два тысячелетия все-таки.

Потом он неожиданно для себя рассказал об одной из первых своих пациенток – женщине, у которой погиб трехлетний сын. Она не хотела жить, не видела ни одной зацепочки, которая удерживала бы ее на этом свете. Люди, потерявшие близких, любимых людей, переживают сильнейший разлом психики. Разлом затопляется чувством вины, мыслями о поступках, которые следовало бы совершить в прошлом, чтобы спасти умершего, разъедающим раскаянием и укорами самому себе. Многие проваливаются в эту бездну и не в состоянии выбраться из нее. Переключение внимания на другие объекты любви, например на второго ребенка, не всегда помогает. Этот ребенок даже может вызывать раздражение, временное конечно.

Колесову никак не удавалось помочь той женщине. Тем более что она молчала. Важно, чтобы пациент говорил – все равно о чем, но говорил, и как можно больше. Он неизбежно выскажет при умелом направлении разговора свою боль, выплеснет ее. А она молчала. С трудом выдавливала из себя короткие ответы, бормотала извинения и замолкала. Муж приводил ее снова и снова, но все повторялось – она не слышала ничего, кроме внутренних укоров, которые сама выставляла себе. Костя не смог подобрать ключ к крепости и вынужден был признать свое поражение.

Спасла ее соседка-старушка. Отвела в церковь, познакомила с батюшкой. Женщина зачастила в храм, что напугало близких. Потом, по совету священника, отправилась на месяц в какой-то монастырь. И вернулась оттуда другим человеком.

– Я не мог подать ей идею о загробном мире, где пребывает душа ее ребенка, и что возможна связь с его душой через веру. А монахи могли. Причем она не стала религиозной фанатичкой. Успешно занимается своей микробиологией, родила еще одну дочь – в общем, живет счастливо.

Вера Николаевна умела слушать. Она внимательно смотрела в глаза собеседнику, реагировала легкими кивками и понимающей улыбкой. Горе людям, которые умеют так слушать, – на них обрушиваются исповеди друзья, знакомые и соседи по купе в поезде.

– Мне кажется, – сказала Вера, – возможно, я ошибаюсь, но здесь сыграло роль то, что та женщина была новообращенной, только открыла для себя религию, новое мировоззрение. Случись подобное с тем, кто с детства впитал в себя веру, все будет гораздо сложнее, то есть так, как было у этой женщины вначале. Вы понимаете меня? Разлом, о котором вы говорите, легче зарубцуется, если человек вдруг увидит небо над головой. Но если он видел его всю жизнь?

– Любопытная мысль. Мне это не приходило в голову. Спасибо за идею.

– Пожалуйста. – Вера Николаевна шутливо и чуть кокетливо склонила голову. – На самом деле я попусту отняла у вас время. Уж не обессудьте.

«Какие мы культурные, – подумал Костя, – за свои денежки еще и извиняемся».

Вера Николаевна собралась встать.

– Подождите, – остановил ее Константин, – мы с вами еще не закончили обсуждать проблемы Анны Рудольфовны. Я могу предложить вам следующее. В клинике, где я работаю, есть отличное геронтологическое отделение, нечто вроде санатория. Там нет сумасшедших и публика весьма приличная, так как лечение платное. Ванны, массажи, физиотерапия – упор делается на физическое здоровье, а психологи работают достаточно тонко и незаметно. Я знаю, что многие пациенты рвутся снова попасть туда, оказаться в... слово «палата» вовсе не подходит, скорее хороший гостиничный номер. У них образовалось что-то вроде клуба для тех, кому за шестьдесят. Полагаю, что «отпуск» в подобной обстановке пошел бы вашей свекрови на пользу.

Вера с сожалением пожала плечами:

– Мы пытались устроить ее в клинику неврозов на Шаболовке. Там ведь тоже все организовано по аналогичному принципу. Ничего не вышло. Анна Рудольфовна до сих пор упрекает нас, что пытались затолкнуть ее в психушку. Но при всех условиях – спасибо вам за участие. Всего доброго!

Когда Вера Николаевна вышла, Колесов пожал плечами:

– Хозяин барин, я предложил – она отказалась. Оплата по курсу через кассу.

«Такая славная и не моя», – мелькнуло вдруг в мыслях. Впрочем, он вряд ли ее когда-либо снова увидит, а через месяц вообще с трудом вспомнит.

Он увидел ее через три минуты в коридоре поликлиники.

– Заблудилась, – растерянно призналась Вера, – не могу найти выход. У меня топографический кретинизм.

– Не торопитесь с диагнозом, – улыбнулся Костя, – в этих хоромах немудрено потеряться. Пойдемте, я вас провожу.

В гардеробе Вере Николаевне выдали не пальто, не плащ, а какое-то сооружение вроде накидки – без рукавов и много мягкой пушистой материи. Колесов попытался помочь ей одеться, но запутался в текстильной головолемке. Вера рассмеялась и протянула руку, чтобы забрать у него накидку.

– Нет, погодите, – запротестовал он, – я сейчас разберусь. Это что, капюшон, правильно? Значит, вот так.

– Правильно, – продолжала улыбаться Вера, – только наизнанку.

Она быстро сняла пончо, вывернула его и снова надела. Пока Вера застегивала пуговицу у ворота, Костя подумал, что в этой одежде она похожа на Герду из «Снежной королевы». В детстве у него была книга сказок Андерсена, и одна из иллюстраций изображала Герду в такой же накидке с мягкими складками. Любимым занятием маленького Колесова было сочинение собственных сказок по картинкам из книжек. Он раскладывал вокруг себя книги, перелистывал страницы, находил нужную иллюстрацию и рассказывал сам себе новые приключения героев. На главную женскую роль он чаще всего выбирал Герду, потому что она была смелой и храброй. А Василисе Прекрасной вечно подавай то сапоги-скороходы, то шапку-невидимку, никакой личной инициативы.

Станция метро находилась в трех троллейбусных остановках. Несмотря на поздний вечер, на остановке толпился народ. Подошедший троллейбус был переполнен, в него втиснулось лишь несколько человек.

Костя всегда ходил пешком. И сейчас у него не было желания давиться в транспорте, даже рядом с этой симпатичной женщиной.

– Здесь идти двенадцать минут, – сказал он. – Вы будете ждать следующий троллейбус или составите мне компанию в короткой прогулке?

– Составлю. Тем более что вечер сегодня замечательный. Весна.

Поговорили о погоде, о том, как поздно в этом году началась весна и как лихо она наверстывает упущенное. Славные дни. Костя спросил, какие языки знает Вера Николаевна.

– Английский и испанский, – ответила Вера.

– А вот мои отношения с английским и немецким можно смело назвать извращенно практическими, – признался Костя. – Без чтения специальной литературы моя профессия невысказана. Достать книги и журналы до недавнего времени было чрезвычайно сложно, а уж разобраться в терминологии и методике разных школ – вообще задача та еще. Но мне казалось, что я с ней справился. Даже переводами подрабатывал. Каков же был конфуз, когда я отправился на международную конференцию в Вену, эту Мекку психоаналитиков, родину Фрейда, и обнаружил, что большинство слов мысленно произношу вовсе не так, как следует, как звучат они по-немецки или по-английски. Понимаете? Я заучил звучание слов, известное только мне.

– Да, понимаю, – кивнула Вера. – Я однажды, еще студенткой, должна была переводить беседу с делегацией из Конго. Совершенно растерялась. Ни слова не пойму. Они утверждают, будто говорят по-английски, а я даже предлогов и местоимений не могу уловить. Для меня что их английский, что суахили – равнозначно. Но как вы сделали доклад?

– Если бы я вышел на кафедру, то повеселил бы мировую научную общественность изрядно. Поэтому слукавил, сказался больным фарингитом, шипел два дня, и доклад мой зачитывал коллега из Штатов.

Он не стал добавлять, что после доклада его избрали членом-корреспондентом Венского общества психоаналитиков. Но рассказал, как на заключительном банкете после нескольких фужеров шампанского забыл о своем «недуге» и заговорил в полный голос. Только ленивый не поставил тогда ему, симулянту, диагноз потери голоса по эмоциональным причинам.

Костя решил, что Вера улыбкой реагирует на его историю, но она улыбалась забавному совпадению, которое пришло ей в голову. Она тоже не любит лукавить, а если приходится быть неискренней, то лучший способ избавиться от груза вранья – иронично пересказать кому-нибудь, как тебе пришлось изворачиваться и обманывать людей. Она хотела поделиться этой мыслью со спутником, но потом передумала – не деликатно говорить с малознакомым человеком о его уловках. Вера заговорила о другом.

– Я тоже подрабатываю переводами, – сказала она.

– Подрабатываете? – удивился Костя. – Мне всегда казалось, что материальное благополучие семей дипломатов так же выдается на общем фоне, как здание МИДа среди прочих строений на Смоленке.

– Вы говорите о прежних временах. Сейчас зарплата у чиновников МИДа несколько не выше, чем у инженеров или врачей. Поэтому многие уходят из министерства в частные фирмы и совместные предприятия. За последние годы более двухсот дипломатов перешли на другую работу. Сейчас и выпускников МГИМО не очень привлекает дипломатическое поприще. Конечно, есть командировки. Они – суть ожидания и переживания здесь, в Москве. Но и во многих странах зарплаты не повышались по десятку лет, хотя цены растут всюду. За границей можно копить деньги, экономить на каждом шагу, а можно пользоваться шансом жить по-человечески, ходить в рестораны и спортивные клубы, путешествовать. Мы с мужем оба транжиры. Собственно, у нас была только одна командировка в Перу, и после нее мы не больно разбогатели.

У входа в метро старушка торговала ландышами. Вера бросила быстрый взгляд на корзину и отвела глаза. Хотела бы купить, понял Костя, но в его присутствии не решается. Боится оскорбить его мужское самолюбие. Значит, рассматривает его не только как врача.

Он взял Веру за локоть и подвел к торговке цветами.

– Уж больно худенькие у вас букетики, соедините штук пять вместе, – попросил он.

– Это, право, лишнее, – запротестовала Вера.

– Вера Николаевна, от нашего с вами общения я получил гораздо больше человеческого удовольствия, чем вы от меня пользы как от врача. Поэтому не сопротивляйтесь, дайте эскулапу реабилитироваться. Любите ландыши?

– Очень. Три года их не видела. Не растут в Латинской Америке.

Спускаясь по эскалатору, они услышали объявление: «По техническим причинам поезда следуют с увеличенными интервалами. Пользуйтесь наземным транспортом».

С лестничной высоты вестибюль станции напоминал груды рассыпавшихся шевелящихся арбузов. Вера и Костя позволили людскому потоку отнести себя к колонне. Костя вписал Веру на свободные пол квадратных метра, а сам постарался стать так, чтобы его спутницу не толкали.

– Вот почему в троллейбусах было столько народу, – сказала Вера.

– Придется подождать. Протиснуться сквозь толпу к краю платформы может заставить только крайняя спешка или профессия карманника.

Вера опустила лицо в букетики цветов. Костя видел прямой и чистый пробор в ее русых волосах, вдыхал запах ландышей, смешанный с запахом ее духов.

Существовала некая линия французских духов – Костя не знал названия – со сладким ароматом, который у него почему-то вызывал ассоциацию с борделем. Уж больно томным и призывным был запах.

Вера пользовалась другими духами – свежими и немного остренькими. Сливаясь с ландышами, они создавали ощущение весеннего букета.

Духота. У нее на лбу мелкими точками выступил пот.

– Давайте-ка снимем вашу конструкцию пальто, – предложил Костя. – Потому что, если вы упадете в обморок, я не сумею оказать квалифицированную врачебную помощь.

– Я не падаю в обмороки, но мне в самом деле очень жарко: пончо из чистой шерсти и греет как перина.

Маневрирование на ограниченной площади – задача не из простых. Костя держал в одной руке свой портфель, сумочку Веры Николаевны и цветы, а другой помогал ей снять пончо. Вера на секунду коснулась его торса и бедра.

Ответом была здоровая реакция гимназиста в период гиперсексуальности.

– Эй, – почти ровно произнес Костя, – нечего прижиматься. Надо беречь завоеванную территорию.

Глаза могут выдать. Смотреть поверх ее головы. Отвернуться. Легкую красноту можно списать на духоту и жару в вестибюле.

– Сами не прижимайтесь, – задорно парировала Вера. – Вас тут не стояло.

Они рассмеялись.

– Константин Владимирович, уж коль вы мне сейчас так близки, просто ближе никто не находится, – улыбалась не подозревавшая о его переживаниях Вера, – позвольте обратиться к вам с нескромной просьбой?

– Попробуйте, но свой портфель с вашей ноги я могу убрать только себе на голову. – Он ответил на ее улыбку и постарался расслабиться.

– Если моя просьба по каким-либо причинам покажется вам неприемлемой, забудем о ней тут же, хорошо?

Костя кивнул и с интересом приготовился слушать.

– Я все время думаю над вашим предложением Анне Рудольфовне подлечиться в геронтологическом отделении. Если я или Сергей, мой муж, заикнемся об этом, реакция будет однозначно негативной. Но если бы вы нашли возможность приехать к нам вместе с Игорем Петровичем, завести разговор о клинике, то, может быть, Анна Рудольфовна заинтересуется...

С его лица сползла благодушная гримаса, и вместо нее появилось выражение, какое бывает у человека, выслушивающего неловкости.

– Давайте забудем об этом, – быстро сказала Вера. – Извините меня за бестактность.

Костя мысленно обозвал себя идиотом. Какое соблазнительное предложение он предполагал услышать? Как объяснить этой милой женщине, что он считает для себя неприемлемой бытовую дружбу с пациентами?

Он постарался отказать как можно вежливее и деликатнее.

Глава 3

К Анне пришли институтские подруги.

Ольга из крепышки казачки, десять лет назад приехавшей из Краснодара покорять столицу, превратилась в даму яркую и пышную. Ирина, напротив, еще больше похудела: на спине под тонким платьем дистрофично торчали лопатки.

– Толстая и тонкая, как у Чехова, – подсказала Ольга Анне, целующей и разглядывающей их обеих.

– У Чехова были толстый и тонкий, – поправила Ира.

– А ты что хотела? – отмахнулась Ольга. – Ой, Нюрка, как я рада тебя видеть. Беременная. Это у тебя хроническое, как специалист говорю. Конечно, мужики. Чехов кто? Они и пишут только про себя, и думают только о себе, а бабы отдуваются.

– Все такая же, – вздохнула Ирина, – цинизм бьет из нее неукротимо.

– Чего мне лучше становиться, – защищалась Ольга, – знаешь, какая у меня работа? Между прочим, Нюрок, тружусь в Центре по охране материнства и детства – лучшей акушерско-гинекологической клинике. Мне свекруха говорит: «Оленька, может, не стоит наносить такой яркий лак на ваши короткие ногти?» Это в воскресенье! Единственная возможность маникюр навести. А я ей в ответ: «Я, Елена Борисовна, длинных ногтей отрастить не могу, потому как этими пальчиками каждый день в это самое место теткам лазаю». Ну, я ей сказала куда.

У Ольги были две любимые темы: проблема похудения и отношения с родителями мужа. Сбросить лишний вес она могла только мечтать, потому что отказаться от жирных борщей и пельменей не желала. А враждебные отношения со свекровью распалила сама. Приписывала тишайшей Елене Борисовне предвзятые мысли и поступки. Ольге требовался враг, в борьбе с которым кипела бы ее неугомонная натура.

Когда-то Ольга была влюблена в Юриного приятеля и однофамильца Игоря Самойлова, актера студенческого театра МАИ. Но из их короткого романа ничего не вышло. Несмотря на Ольгину хватку, цепкость и практичность, Игорь не соблазнился ни ее казачьими песнями, ни грубоватым юмором, ни крошками и варениками, которые Ольга готовила на кухне в общезжитии. Уже перед окончанием института она вышла замуж за однокурсника Алешу Носова, тихого стеснительного парня. Его Ольга держала в тылу все пять лет своих амурных баталий. Нравы, привычки, образ жизни семьи Носовых абсолютно не соответствовали Ольгиным представлениям о том, как надо жить, к чему стремиться и над чем смеяться. Она драила квартиру, стирала, гладила, выращивала и мариновала огурцы на даче, квасила капусту и презирала Носовых за корпение над скучными книжками и неумение достойно ответить грубиянке – продавщице в магазине.

– Они мне – Первый концерт Чайковского, Второй концерт, а у самих все трусы были драные, когда я пришла, – тараторила она, пока осматривали новую квартиру. – Нюра, ковер перуанский? Красиво, лохматый какой. А у нас все моль сожрала, Елена Борисовна...

– Да уймись ты, – перебила ее Ирина. – Аня, квартира прекрасная. Юра руки приложит – будет отлично. Это детская? И малышу уже кровать есть? Когда тебе рожать?

– Через месяц. А ты все тянешь? Как Олег?

– Хорошо. Пока, правда, без работы, но Мазуров запускает новую картину, обещал Олега взять вторым режиссером.

– Пока без работы он уже второй год, – вставила Ольга.

– Ты не права, Оля, – мягко возразила Ира. – Творческий человек не марионетка у конвейера.

– Ну да, творческий – это когда на твою зарплату пьянствует.

– Мазуров – известный режиссер? – Анна прервала их перепалку.

Ирина принялась рассказывать о кинематографических новостях. И в каждой фразе, в том, как она строила предложение, какие оценки давала, чувствовались отголоски высказываний и мнений Олега.

Ирину многие их однокурсники не любили. Как ни странно, за ее доброту. Ирина носила в сумке чистые тетради и запасные ручки, на случай если они кому-нибудь потребуются. Требовались многим, но никто и не думал возвращать ей одолженное. Она спешила первой поднять упавшую книжку и освобождала место в столовой, не доев обеда. Ира помогала друзьям и малознакомым людям, но вызывала раздражение своей услужливостью. Ее худенькое, чуть лисье личико скорее предполагало вредное ехидство, чем монашескую добродетель. Один из однокурсников назвал Ирину доброту тошнотворной еврейской прикидочностью. Но Анна совершенно точно знала, что Ира не прикидывается, она такая и есть – нелепая в своем желании всем угодить. Казалось бы, Ира должна была стать хорошим врачом. Но этого не случилось: больные принимали ее мягкость и сочувствие за проявление профессиональной слабости. Ира прозябала на должности участкового врача окраинной поликлиники безо всяких перспектив на продвижение.

Анна и Ольга жили в одной комнате в общежитии. Сошлись с Ирой, потому что она, в отличие от многих москвичек, была лишена столичного снобизма. Анна прежде часто думала о том, что Ире надо родить дюжину детей и расходовать на них свою безбрежную доброту. Но сейчас, глядя на ее тщедушное тело, Анна сомневалась, сможет ли подруга выносить хотя бы одного ребенка. Да и Олег детей не хотел, называл их растущей протоплазмой.

В семье Носовых лозунг «пожить в свое удовольствие» пропагандировала Ольга, у которой было две младших сестры, и в детстве она нанячилась вдоволь.

Подруги сидели на кухне, пили чай и расспрашивали Анну о заграничной жизни. Она с трудом подбирала слова – тамошний быт настолько отличался от здешнего, что, о чем ни скажи, получается, будто принижает родину.

– Вы прилично там получали? – спросила Ольга и тут же сама ответила: – Конечно. За три года – вы в каком уехали? В восемьдесят седьмом? За три года кооперативную квартиру построили, машину купили, барахла кучу.

– В Перу финансовые кризисы – обычное дело, – Анна чувствовала, что говорит, как бы оправдываясь, – доллар взлетал вверх, и наши специалисты, которые получают в твердой валюте, вдруг становились в два раза богаче. Тогда все бросались покупать электронику, золото с бриллиантами. Потом в отпуске все это можно было продать, сами ведь знаете, я часть через вас пристраивала, часть через комиссионки, – и снова в выигрыше.

Анне не хотелось рассказывать, как во время кризисов они, советские женщины, опустошали магазины. Покупали впрок, подчас ненужное, но на родине отсутствующее. Посуда, постельное белье, настольные лампы, одежда и обувь в промышленных количествах, шторы, кастрюли, ткани для обивки мебели, ковры, обои и краски, ложки-поварешки, консервы, кофе, шерсть – скупали все, что не испортится от длительного хранения. Потом горы вещей необходимо было переправить на родину. Самое удобное – самолетом, но «Аэрофлот» ограничивал вес багажа. Двадцать килограммов на человека, если ты летишь в отпуск, и шестьдесят килограммов на окончательный отъезд. Поэтому все старались дружить с аэрофлотовцами – по знакомству можно было протащить, не оплачивая, большой вес. Главное, чтобы тебя не задержали в Шереметьеве, не заставили перевешивать багаж и оплачивать перевес. Истории с перевешиванием были популярными «страшилками» в российской колонии. В окончательный перелет Самойловы везли восемьсот килограммов багажа – гору картонных коробок, пришлось заказывать грузовик. Треть багажа им не принадлежала – Анна согласилась взять чужие коробки, потому что Юрия, как аэрофлотовца, никто не стал бы проверять. Они до сих пор выдавали родственникам своих знакомых из Перу причитающееся имущество. Но понять забавы коро-

бейников могли только те, кто жил за границей. Подруги Анны к этой категории не принадлежали.

– Девяносто процентов перуанцев, – рассказывала Анна, – очень бедны – так, как нам и не снилось. Недоедают, вместо домов халупы из веток или картонных листов. Нищие, дети голодные – очень для меня непривычно сначала было.

– Теперь и у нас нищие и попрошайки не редкость, – заметила Ира. – Покажи фотографии. Какой дом у вас был?

Двухэтажный коттедж, садик, газон, пальмы, яркие тропические цветы – как с рекламного проспекта. Сидя на московской кухне, было странно видеть фото Самойловых на океанском пляже, в горах, на палубе яхты. Они выходили из шикарной машины, скакали на лошадях, пили через трубочку сок из плода кокоса, кормили игуану.

– Сказка! – вздохнула Ирина. – Жизнь на Марсе.

– Мне сейчас тоже почему-то так кажется, – рассмеялась Анна. – Даже не верится, будто не со мной было.

– Да, променяла ты профессию на красивую жизнь, – не удержалась Ольга.

Они с Ириной переглянулись: пусть у них нет кучи золотых побрякушек, в других странах они не жилали, зато есть специальность, которая всегда будет в цене, а значит, и самостоятельность. Анна теперь на веки вечные приставка к мужу. Со вторым ребенком и думать нечего восстановиться в институте.

Анна поняла настроение подруг, их легкую зависть и желание почувствовать свое превосходство. Она не обижалась, даже решила подыграть им, но не успела, пришли Юра с Дашей.

После приветствий и объятий сели обедать. Юра разлил коньяк:

– Со свиданьем, за очаровательных подруг моей жены, за нее саму и потомство наше!

– Так сразу за все? – хохотнула Ольга. – Больше не нальешь, что ли?

Они весело препирались, а Анна обратила внимание на подозрительно притихшую дочь. Дарья пристально рассматривала Ирину.

– Ешь суп, – велела Анна.

– У нас есть сосед дядя Слава, – сообщила Даша, – у него есть сын Колька, а у Кольки воспитательница в детском саду худая.

– Что значит «худая»? – не поняла Анна.

– Как тетя Ира. Колькин папа называет ее «суповой набор».

Юра тихо застонал, сдерживая смех. Ольга так расхохоталась, что поперхнулась. Смеялась и Ирина. Анна возмущенно отчитывала дочь.

– Ты-то что молчишь? – упрекнула она мужа. – Дашка видит твое попустительство и совсем распоясалась.

– Если кого и надо отварить и съесть, так это тетю Олю, – сказал Юра, обнимая за широкую талию Ольгу. – Знатное блюдо получится.

Заигрывания с применением рук были вполне во вкусе Ольги.

– А тетей Ирой, – продолжал Юра, – можно только любоваться. Потрясающе юной выглядишь, Ирочка. Как ты отбиваешься от подростков на улицах?

Ирина благодарно вспыхнула и отмахнулась. Анна перевела дух и показала Дашке кулак. Юра никогда не забудет уделить внимание самой неприметной женщине в компании. Он танцует с теми, кто подпирает стенки, и говорит комплименты стеснительным дурнушкам. Анна десятки раз слышала фразу «какой замечательный у тебя муж!», за которой нередко следовал завистливый вздох.

Ольга заметно захмелела.

– Анька, я тебе самого главного не сказала! – воскликнула она. – Я завела любовника!

– Кого? – переспросила Анна, и они с Юрой покосились на дочь.

– Ее собачку так зовут. – Ирина дернула подругу за руку. – Опять тебя понесло. Нам пора.

– А для котенка хорошее имя Любовник? – спросила Даша. – Коле обещали котеночка купить. Хорошее, – ответила она сама, – я им посоветую.

– Ага, собачку, – пьяно хихикала Ольга, – а ну-ка, отними! Ирка, перестань меня тянуть, я хочу ребятам рассказать.

– Девочки, я вас провожу до такси, – поднялся Юра.

Его галантность быстро испарялась, если ему что-то не нравилось в поведении женщины. Не хватало еще, чтобы в его доме при беременной жене и маленьком ребенке пьяная тетка рассказывала о своих похождениях.

Глава 4

С Крафтами Самойловы подружились в Лиме. Однажды Юра в качестве представителя «Аэрофлота» и Сергей как дежурный дипломат вызволяли из перуанской кутузки экипаж российского рыболовного судна. Эти сменные экипажи были сущей головной болью. Они летели до Лимы самолетом «Аэрофлота» и двадцать часов полета отчаянно пьянствовали. Хотя по договоренности с рыбфлотом матросов обыскивали перед посадкой в самолет, они все равно умудрялись протащить спиртное, надирались и устраивали дебоши. Рыбаки, попавшие в перуанскую полицию, раскачивали самолет. Натурально раскачивали: стали в две шеренги и по очереди дружно прыгали. Им морской качки захотелось. Самолет как раз пересекал океан. Летчики и стюардессы изрядно помучились, пока утихомиривали дебоширов. Некоторых даже связали. Напуганные пассажиры в аэропорту заявили о бесчинствах террористической группы. Рыбаков арестовали. Юра, Сергей и капитан судна улаживали конфликт.

Юра предложил Сергею отметить конец суматошного дня, они заехали за женами и провели вечер в ресторане.

Анна знала Веру в лицо. Видела на приемах в посольстве. Похожа на картинку лошади. Есть такие – рамочка, в рамочке рисунок. Изображена лошадь знаменитой породы. Холодная, совершенная красота.

И вдруг эта небожительница оказалась мягким и приветливым человеком. Анна ошибалась, принимая Верину сдержанность и немногословность за холодный светский снобизм. При близком рассмотрении Верина красота если не меркла, то приземлялась – благодаря самоиронии и легкому юмору. По запасам доброты и готовности помогать людям Вера могла сравниться только с Ирой Гуревич. Правда, Ирино участие всеми принималось с потребительской небрежностью, а Верино – как монаршая милость.

Анна буквально влюбилась в Веру. Вера отвечала взаимностью, но дистанцию сохраняла долго, почти год. Боялась потерять подругу, обладавшую качествами, которые у самой Веры отсутствовали, – заразительная смешливость, энергичность, хозяйственная сметка, упорство в достижении цели. Вера боялась потерять Анну, потому что хорошо помнила предостережения мамы и слова, в которые облекла свекровь Анна Рудольфовна ту же мысль: ни с кем не дружи за границей взасос. Теперь Вера и сама видела: оторванный от родины человек стремится найти среди соотечественников близкую душу и набрасывается на нее с пылом и трепетом. Дружба, не разбавленная общением с оставшимися дома родными, соседями, приятелями, сослуживцами, походит на лихорадочное питание концентратами. Обжорство, как правило, быстро вызывает отвращение. Посольство дымится от взаимных обид, разочарований, сплетен и наветов. Инициаторами как страстной дружбы, так и бурной вражды чаще всего оказываются женщины, потому что именно они изнывают от барского безделья.

Мужская дружба, не предполагающая интимных откровений и долгих душевных разговоров, бывает проще и долговечнее. Юре и Сергею было достаточно двух взаимных увлечений – рыбалки и преферанса, чтобы с удовольствием проводить вместе время.

Вначале Анне не понравился Верин муж. Она за глаза называла Сергея чванливым энциклопедическим словарем. Именно словарем – обо всем он знал, но не глубоко, обо всем имел мнение, но совершенно неоригинальное, а как из учебника или передовой статьи в газете. Но со временем Анна перестала замечать недостатки Сергея, вернее, воспринимала их как слабости близкого человека, которому многое прощается, потому что он свой.

В Лиме Крафты и Самойловы редкий выходной проводили отдельно, да и среди недели виделись. В Москве вот уже месяц только перезванивались. Погрязли в ремонтах и переездах. Все соглашались – безобразия, но встретиться без повода не удавалось. Наконец, повод собраться у Крафтов нашелся. Сергей уезжал в короткую командировку в Мексику, Вера со

свекровью перебиралась на дачу. Она предложила хотя бы на неделю взять с собой Дарью. Самойловы не любили расставаться с дочерью, но с Вериными доводами согласились: погода отличная, а девочка путается под ногами в пыльной квартире...

Они не могли наговориться: вспоминали житье в Лиме, пересказывали московские события, обсуждали положение в стране и карьерные планы Юры и Сергея, дружно сокрушались, что следующая длительная командировка вряд ли состоится в одну и ту же страну, Сергея планировали в Мексику, а Юре обещали Испанию.

Вера подарила Дашеньке красиво иллюстрированный том детской биологической энциклопедии, и та не расставалась с книгой весь вечер. Произвела на Анну Рудольфовну впечатление положительной тихой девочки. Сerezина мама даже мысленно простила Вере своеволие с приглашением чужого ребенка на дачу. Как оказалось, более всего Дашу заинтересовала глава «Размножение». Вера и Анна мыли посуду на кухне, с вопросом Дарья обратилась к папе и дяде Сереже.

– Мне все ясно про клетки, – объявила она. – Женщинская клетка и мужнинская соединяются и растут. Мне не ясно про мероприятие, когда они соединяются.

Юра сразу понял ход мысли дочери и расхохотался.

– Что? – удивился Сергей. – Какое мероприятие?

– Это я спрашиваю про мероприятие. Как клетки одна в другую влезают? Там ничего не написано.

– Ну, это... это, – растерялся Сергей, – это только мама знает.

– Правильно, – поддержал его Юра, – отправляйся на кухню и спроси у мамы и тети Веры.

На кухне Дашин вопрос вызвал такую же реакцию. Вера от смеха склонилась над раковиной.

– Обыкновенное мероприятие, например, например... – Анна расхохоталась.

– Какое-то веселое дело. – Дарья в раздражении топнула ножкой. – Все смеются, а мне ничего не говорят.

– Вот я закончу мыть посуду, – пообещала Вера, – приду в комнату и все тебе объясню, даже книжку покажу с картинками. Если, конечно, твой интерес сохранится. А пока, может быть, ты посмотришь свои любимые мультики?

Во время чаепития внимание Дарьи переключилось на политику. После мультфильмов по телевизору показывали выступление известного публициста. Он ругал прошлые времена и часто повторял слово «застой». Дарья никак не могла понять, как народ двигался во время застоя, ведь это приказ замереть, как в детской игре.

– Жухлили, – пояснил ей Юра.

Анна Рудольфовна, которая весь вечер не могла протиснуться в оживленную беседу молодежи, наконец взяла реванш. Она десять минут держала речь о Горбачеве, о Ельцине, о перестройке, о принципах, которыми нельзя поступать, – и было совершенно непонятно, что она хочет сказать. Хвалебные слова в устах Анны Рудольфовны почему-то воспринимались как оскорбление, а критика наводила на мысль о достоинствах критикуемого. Самойловы восприняли монолог Сerezиной мамы как сигнал к прощанию.

То, что случилось потом, походило на вязкий, невымываемый из памяти кошмарный сон. Он поселил чувство мучительной вины: за беспомощность и за тайную радость – это произошло не со мной.

Юра хотел, чтобы Дарья проводила их с Анной до такси. Они спускались по широкой лестнице старинного генеральского дома Крафтов. Сергей шел впереди, Юра нес на руках дочь и весело припрыгивал на ступеньках, Анна и Вера замыкали группу. Ни Сергей, ни Юра не заметили арбузной корки. Сергей благополучно миновал ее, а Юра наступил, поскользнулся. Он не мог взмахнуть руками, чтобы смягчить падение, потому что держал Дарью. Падая,

только успел сбросить Дашу к груди и защитить ее своим телом от удара. Его голова с громадной высоты летела прямо на живот Анне. Она успела отшатнуться и развернуться к перилам.

Звук разбивающегося о камень человеческого черепа, хруст ломающейся кости был ужасен. На несколько секунд все застыли в шоке, даже женщины не вскрикнули. Только Даша копошилась на теле отца, пытаясь освободиться от его рук. Лужа крови, густой и темной в тусклом освещении подъезда, медленно выползала из-под головы Юры. Пятно быстро увеличивалось и приближалось к валявшемуся рядом окурку.

Первым пришел в себя Сергей. Он подхватил Дарью, передал ее жене и велел бежать домой, вызывать «скорую».

– Звони хоть в «кремлевку», быстро звони, – почему-то угрожающе кричал он, – пусть мчатся, немедленно! Что делать? Что делать, я тебя спрашиваю? – тормозил он Анну. – Он без сознания? Его можно трогать, переносить?

Анна не понимала, о чем он говорит. Она обеими руками крепко держалась за перила и с удивлением смотрела на лежащего мужа. Искала в мыслях, вдруг ставших резиново тугими и замедленными, спасительный рычажок. Нужно вернуть все назад, это можно сделать, только надо найти правильную мысль. Как в магнитофоне, нажал кнопку – и лента побежала обратно. Где же эта кнопка? Где?!

До сознания дошло, что Сергей матерится. Надо же, Крафт, оказывается, умеет грубо ругаться. А в подъезде у них тоже грязно. Окурки. Арбузная корка. Арбуз в Москве в мае? Это было в каком-то фильме. Не хватает фразы «Черт побьери!». Почему Юра ее не сказал? Было бы остроумно. О чем Сергей меня спрашивает? О травме.

С языка вдруг сорвались когда-то зазубренные, но давно забытые слова из учебника по травматологии:

– При открытых черепно-мозговых травмах мирного времени наблюдаются рвано-ушибленные раны мягких покровов черепа с образованием загрязненных карманов, отслойкой ткани, размозжением краев раны, обнажением кости, сочетающиеся с переломом костей черепа и повреждением головного мозга.

– Что ты несешь?! – Сергей метался на ступенях и не знал, что делать. – Если ты рехнулась, то не вовремя. Возьми себя в руки. Смотри, сколько уже крови. Его надо перевязать, слышишь?

– Да, – Анна видела перед собой строчки учебника, – наложить асептическую повязку, но осторожно, потому что костные отломки могут внедриться в оболочку мозга. Предупредить попадание рвотных масс в дыхательные пути, расстегнуть воротник и пояс.

– Какая рвота, ты видишь, он без сознания.

Прибежала Вера с бинтами, руки у нее дрожали. Сергей забрал бинты, поднял Юрину голову и положил их на рану, Анна отстраненно наблюдала за его действиями. Она чувствовала, что ответ близок. Еще немного – и все будет хорошо. Рядом с ней будет Юра. А этот неподвижный человек – нет, не он. Юра не может так с ней поступить. Пальцы затекли. Отпустила перила. Посмотрела на руки – вот досада, ногти сломала.

Ни в Серезиной машине, когда они ехали за пронзительно гудящей «скорой», ни в больнице Анна не выходила из транса. Сергей пытался отвлечь ее разговором, но Анна не отвечала на его вопросы. Вера осталась опекать плачущую Дарью и Анну Рудольфовну, которая требовала и ей вызвать «скорую», боялась, как бы не случился инфаркт на нервной почве.

В час ночи у Сергея улетал самолет в Мехико, но он не ушел из больницы, пока не прибыла Луиза Ивановна. Свекровь принялась плакать и расспрашивать невестку. Анна тихонько рассмеялась ее глупости – все-таки нелепый человек Луиза Ивановна. Как только она способна допустить, что с Юрой может случиться несчастье? Она просто не любит его. Да, точно, она его не любит. Всегда такой была. Слабая, трепетная. Муж ее баловал, потом сын заботился. А у него, между прочим, своя семья.

– Все будет хорошо, не плачьте, – буркнула Анна.

– Правда? – Луиза Ивановна не заметила грубого тона. – Анечка, солнышко, ты ведь медик, ты все видела, и врачи говорили, да?

Луиза Ивановна хотела присосаться к Анниной душе и облегчить свои переживания. Не выйдет. Не до нее сейчас.

Закрыв глаза и прислонившись головой к стене, Анна искала ответ на самый главный вопрос. Сосредоточиться мешала боль в спине и внизу живота. Очевидно, кресло неудобное. Луиза Ивановна еще некоторое время приставала с вопросами, но, не получив ответа от дремлющей невестки, тоже замолчала.

Около трех часов ночи вышел дежурный хирург, делавший операцию. Он сказал, что Юра жив, но состояние его крайне тяжелое. Еще что-то говорил о кровоизлиянии, кризисе в ближайшие дни – Анна не слушала и не понимала. Хирург внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Вам сделать укол? Если держитесь, то в вашем положении лучше обойтись без инъекций, но если совсем худо...

– Спасибо, не надо, – проговорила Анна.

Ей хотелось пожелать ему приятного аппетита, ведь он сейчас пойдет в ординаторскую пить чай. Но она вовремя сообразила, что подобная фраза неуместна.

Луиза Ивановна предложила отправиться вместе в новую квартиру или к ней домой. Выслушивать стенания свекрови? Анна решительно отказалась. Частник на «Жигулях», которого они поймали у больницы, отвез сначала Луизу Ивановну, а потом Анну.

У нее не оказалось денег. С большим трудом она соображала: деньги были у Юры, одежда Юры у нее в руках, нужно поискать бумажник в карманах брюк. Чтобы выстроить эту цепочку мыслей, ей понадобилось несколько минут.

Поднимаясь по лестнице, она несколько раз останавливалась переждать боль в пояснице. Радикулита только не хватало. Дома Анна беспечно ходила из комнаты в комнату, что-то искала. Уже начала злиться на себя, бестолковую, неспособную решить простую задачу.

«Надо выпить рюмку коньяку», – решила она. Достала початую бутылку, вспомнила, как разливали из нее Ольге и Ирине. Девочки приходили, как хорошо было.

Она налила коньяк в рюмку и замерла – по внутренней стороне бедер быстрыми струйками текла теплая жидкость. Что это еще? Задрав юбку, она растерянно смотрела на увеличивающуюся лужу между ступнями на полу. Роды, сообразила Анна. Воды отходят. «Я рожая. Это были схватки, а не радикулит. Идиотка. Нет, хорошо, можно пока не думать о том рычажке. Роды преждевременные. Вспоминай. Так, ребенок может родиться нормальным после двадцати четырех недель беременности. У него уже что-то там, не помню что, закладывается в мозг. Сколько у меня недель? Не помню. Восемь месяцев. Восемь на четыре тридцать два. Это больше двадцати четырех? Точно, больше. Дура, – снова она обругала себя, – не о том думаю. Первые роды были быстрыми, значит, вторые могут быть стремительными. Стремительными – это сколько времени? Не помню. Опять не то. Надо посчитать время между схватками. Нет, сначала позвонить Ольге, она сказала, что устроит меня рожать к себе».

Тело скрутила пронзительная судорога. Анна закричала от боли. Поздно звонить в «Скорую». Не успеют приехать. Кирюшка родится через несколько минут. Сознание наконец прояснилось. Теперь Анна соображала четко и быстро. Справится она одна? Вряд ли, особенно если возникнут осложнения. Звонить в «Скорую»? Не успеют. Она дождалась конца схватки, стянула рывком клеенку с кухонного стола. На пол полетели бутылка, рюмка, хлебница, еще что-то. Поволокла клеенку за собой в комнату.

– Подождите, подождите, – уговаривала Анна свое тело и сыночка. – Подо-о-о...

Новая схватка застала ее у шкафа, из которого она доставала чистые простыни и полотенца.

Что еще нужно? Пеленки сейчас не найти, они в какой-то коробке. Анна прихватила ножницы, бутылочку со спиртом и суровые нитки. Хорошо, что все оказалось рядом и на месте. Она по стенке поползла из квартиры.

Анна давила на кнопку звонка квартиры Славы и Марины и рычала от боли. Три минуты, ей еще нужно три минуты. Слава и Марина выскочили вместе, он в пестрых ситцевых трусах и майке, она в ночной рубашке со множеством оборок. Анна раздвинула их руками и бросилась в квартиру.

– Я рожая, – крикнула на ходу, – помогите!

Большая комната, диван. Подойдет. Схватка.

– Разложи-и-и. – Анна застонала и показала Славе на диван.

Слава будет принимать ребенка, решила Анна, она почему-то доверяла ему больше, чем Марине. Пусть Марина звонит в «Скорую». Анна бросила на диван клеенку, сверху простыню. Пришла первая потуга. Все, началось.

– Гры-ы-ы, – по-звериному зарычала Анна, сдерживая потугу.

Ничего она толком не успеет объяснить Славе. Все равно он промежность ей не сумеет сдержать от разрывов. Располосуется она в ключья. Не важно, главное, чтобы ребенок правильно лежал. А если он идет ножками или попой? Не думать об этом. Остается только молиться. Кирочка, мальчик, ты же правильно идешь? Миленький, только правильно, только головкой вперед.

Анна сбросила и белье. Легла на диван. Неудобно, нет упора. Ничего, обхватит руками голени.

– Что делать-то, ешкин корень? – Голос Славы дрожал от волнения. – Ой, там у тебя что-то уже показалось!

– Головка? Головка? – в перерыве между потугами твердила Анна.

– Да, не бутылка же. Волосатая подкатывала.

– Слава, головка сама родится, ты не мешай, просто подставь руки. Не сдavi ни в коем случае. Все остальное я сделаю сама. Ты ребенка как бы выкрути из меня-я-я!.. – Анна снова зарычала.

Потуги следовали одна за другой. Но вытолкнуть ребенка было чрезвычайно трудно. Она покрылась испариной, волосы прилипли ко лбу. Отпустила руки – неудобно, уперлась ногами в боковую стенку дивана. Марина сзади держала ее за плечи. Вместе со Славой они уговаривали:

– Ну, давай же, давай! Сильнее, еще сильнее!

В последней потуге Анна собрала все силы, с ужасом думая, что еще раз так напрячься она не сможет. Но он родился!

Анна хотела сказать, чтобы опустили Кирюшку вниз головой, шлепнули по попке, если не закричит. Но только сипела, восстанавливая дыхание. Никакие советы, к счастью, не понадобились. Сын смешно чихнул и закричал.

Слава держал его, нелепо отставив руки, и смотрел с ужасом:

– Караул! Он весь в какой-то пене. У него кожа слезла!

– Глупости, – сказала Марина и отобрала у него ребенка, – это смазка такая. Каково на сухую продираться? Ах ты лапочка, ах ты котик. – Она умиленно чмокала губами.

– Дайте его мне, – попросила Анна, – положите мне на грудь, подстелите полотенце.

Второй раз в жизни она испытывала оглушительное счастье рождения ее ребенка. Блаженство, легкость, радость...

– Нет, а почему он такой сморщенный и красный? – не унимался Слава. – И канаты эти. – Он кивнул на пуповину, которая связывала Анну с сыном. – Надо же, какие толстые и зеленые, никогда бы не подумал, как водопроводные шланги. И потом, из тебя кровь хлещет, гарнитур нам испортила, понимаешь.

– Новый купим. – Анна блаженно улыбалась. – Вы молодцы, ребята. Спасибо! Много крови? Ну сколько много? Больше стакана? Раз меньше – значит, все нормально. Марина, принеси какую-нибудь мисочку, судочек, скоро послед будет отходить.

Пуповина уже не пульсировала. «Скорой» все не было. Будем сами обрезать пуповину, решила Анна. Она объясняла ребятам, что нужно делать, подбадривала их. У Славы и Марины дрожали руки – страшно резать ножницами человеческую плоть. Они роняли бинты на пол, сталкивались головами, но в целом для новичков-акушеров действовали замечательно.

Говорили все трое, вернее – четверо. Кирюшка хныкал, Анна отдавала распоряжения, Марина вслух их повторяла, Слава тихо поругивался. Отправлял далеко Кирюшу, своего Кольку и всех младенцев планеты, вслед за ними Анну и всех рожениц. Благодарил Провидение, что не родился женщиной и не стал врачом.

– Какой у нас славный мальчик! Ах ты мой котеночек! – Марина держала на руках младенца с перевязанным животиком и умилялась. – Ах ты моя лапочка! Ну, не плачь!

Анна почувствовала схватывающую боль в пояснице. Плацента отходит.

– Слава, – позвала она, – помоги.

Слава занял исходную позицию у роженицы в ногах. Ни он, ни Анна не испытывали смущения. Какое тут стеснение, когда страхов натерпелись.

– Кишки из тебя торчат, – сказал Слава. – Нет, ну сколько кровищи, прямо харакири, разбери тебя нелегкая. Давай овцу.

– Что?

– Особо важные ценные указания.

– Намотай на руку пуповину, мисочку подставь. Как куда? Под это самое место, откуда ребеночек появился.

– Вот именно, что место, – бурчал Слава. – Тут с вами импотентом станешь. Я привык, понимаешь, в обратную сторону...

– Перестань глупости болтать! – прикрикнула на него Марина. – Ишь разговорился. Делай, что тебе говорят.

– А я и делаю. Здорово мы все-таки парня родили. Теперь тянуть, что ли, из тебя эту кишку?

– Очень осторожно, – сказала Анна.

Она нажимала ребром ладони на низ живота, выдавливая плаценту.

Звонок в дверь раздался в тот момент, когда детское место плюхнулось в мисочку. От неожиданности все вздрогнули. Марина держала ребенка, завернутого в простыни. Слава заметался по комнате с мисочкой, в которой лежал кровавый студень плаценты со свешивающейся пуповиной. Так и пошел открывать с этим кошмарным месивом в руках.

На «Скорой» приехали врач и сестра.

– Это безобразие, – первое, что сказала врач, пожилая полная женщина, увидев картину только что принятых родов, – ведь не в деревне живете. Где документы матери?

Она обращалась к Славе. Трусы, майка, лицо и ноги его – все было забрызгано кровью. Марина выглядела не лучше. Она положила ребенка рядом с Анной, теребила оборочки на ночной рубашке и робела перед врачом, как школьница.

– Что вы молчите? Вы отец? – снова спросила врач Славу.

– Точно! – встрепенулся он. – Где отец? Аня, где Юрка-то?

Анна не отрывала взгляда от лежащего рядом сына. Услышав вопрос, она повернула голову и посмотрела на Славу. Глаза ее, радостные и счастливые, медленно-медленно округлись от страха и ужаса.

Она вспомнила. Вспомнила все, что случилось накануне. Нет никакого рычажка, никаких кнопок нет. Темное облако, маячившее до сих пор вдалеке, надвинулось, напоззло на нее.

Анна закричала, брызнули слезы, сразу перешедшие в судорожные рыдания. Тело сотрясала крупная дрожь.

– Всем выйти, – приказала врач, – свет пригасить, и ни звука. Шприц, быстро, – сказала она сестре.

Анна не помнила, как ее везли в роддом, как зашивали там многочисленные разрывы, – после уколов она проспала больше суток.

Глава 5

Костя изменил решение. Не потому, что хотел увидеть Веру. Она ему понравилась, но не настолько, чтобы любоваться ею в кругу семьи и рядом с мужем-дипломатом.

Игорь Петрович собрался уходить из группы. Он перечислил Косте четыре причины: близость лета и отпуска, необходимость закончить книгу, возможная командировка. Количество доводов наводило на мысль об их искусственности, да и лукавить Игорь Петрович не умел. Лицо выдавало старательное желание замаскировать истинные причины ухода от психотерапевта. Костя быстро понял: проблема в том, что Игорю Петровичу не по карману плата, которую требует кооператив.

Предложи ему Костя посещать занятия бесплатно (руководство медцентра наверняка прислушалось бы к аргументам Колесова), Игорь Петрович наверняка оскорбится. Поэтому Костя решил поговорить со стариком прямо и открыто, или, точнее, почти прямо и почти открыто.

Они открыли форточку в кабинете Кости, закурили.

– Игорь Петрович, ваше решение меня, признаться, очень расстраивает, – начал Костя. – И не столько из-за вашего самочувствия, сколько по причине вреда, который ваш уход нанесет группе. Мы стали командой, которая дружно идет к намеченной цели. Кто-то быстрее, кто-то медленнее, но идем мы именно командой. Вспомните, если Коля или Надя не приходят на занятия, мы сразу чувствуем их отсутствие. Это касается любого. Но вас – в первую очередь. Разве вы не понимаете, что стали своего рода моральным авторитетом? Видите ли, сознание того, что неординарная личность переживает те же проблемы, что и ты, помогает от этих проблем избавиться. Стоит какой-нибудь кинозвезде прооперировать геморрой, как у проктологов нет отбоя от желающих на ту же операцию. Вас не коробит сравнение?

– Нет-нет. Спасибо за лестное мнение. Да я сам ребят очень люблю, они ведь мне как дети.

– Вот я и прошу за них. Игорь Петрович, полгода? Этот срок необходим для максимального эффекта. Потерпите полгода?

– Ну что же. Если это нужно ребятам.

– Спасибо. Кстати, чуть не забыл вам сказать. Наше кооперативное начальство выступило с почином: с некоторых категорий пациентов не брать плату. С ветеранов и инвалидов, кажется. Вы, возможно, попадете в число избранных. Не отказывайтесь, если предложат. С чего бы вам заботиться об их доходах? Они люди не бедные.

– Может быть, тогда Наденьку освободить от платы?

– Она пока не ветеран и, к счастью, не инвалид. Игорь Петрович, хочу попросить вас об одной услуге, – быстро перевел Костя разговор на другое, – помните, вы рекомендовали обратиться ко мне симпатичной женщине Вере Николаевне... забыл фамилию, какая-то немецкая.

– Крафт, – подсказал Игорь Петрович.

Костя кивнул и изложил просьбу: помогите устроить Анну Рудольфовну в стационар психиатрической клиники.

У мудрого и щепетильного старика могли остаться сомнения – его пытаются облагодетельствовать. Услуги – не только коллективу, но и лично врачу – маскируют интригу. Ничего другого, кроме госпитализации дипломатической вдовы, Костя придумать не сумел.

На дачу к Крафтам они ехали на старой, с бегущим оленем на капоте, «Волге» Игоря Петровича. Говорили об Анне Рудольфовне. После слов «Она, в сущности, добрый человек» – Игорь Петрович задумался и сказал:

– Хотя что значит – добрый? Говорить о милосердии любит. Но ни одного ее доброго поступка я что-то припомнить не могу. Я, знаете ли, тоже не юноша, но у Анны – точно старческий маразм. Уверена, что все наши приятели были когда-то в нее влюблены. И я в том числе. Представляете? Глупость несусветная. Мы с Сергеем, ее покойным мужем, дружили еще с института. Даже не в этом дело. Я и Анна! Полнейший абсурд.

– Почему вы так нервничаете? Она строит матримониальные планы? Женить вас на себе хочет?

– Нет, ни в коем случае. Я для нее мелкая сошка, «старый зануда и педант», как она меня называет. Но я действительно никогда не был в нее влюблен!

– Что не есть повод рушить иллюзии, помогающие человеку жить. Женщины удачно сказанный комплимент помнят иногда всю жизнь. Массу деталей, фактов собственной биографии забывают, а впечатление, которое они производили в молодости, греет их до гробовой доски. И зачем их остужать?

– Возможно, вы правы. Не знаю.

– Игорь Петрович, а какие у них отношения с Верой Николаевной?

– Верочка умница. Славная, умная девочка. Любого другого может покорить своим спокойствием и чистотой. Да, именно чистотой – это точное слово. Но только не Анну. Такой свежести врагу не пожелаешь. Сережа, муж Верочки, работает, редко дома бывает, ему рикошетом достается. Да и вообще он для матери идол, кумир и все такое прочее. Есть у Анны еще дочь от первого брака, но она всегда была на положении Золушки. Дали образование, выдали удачно замуж и, кажется, забыли на веки вечные. Константин Владимирович, вас не смущает, что мы, кажется, сплетничаем?

– Нисколько, мы с вами вырабатываем стратегию и тактику терапевтического нашествия.

– Тогда я вам еще скажу. Моя покойная жена называла Анну Крафт артисткой-злодейкой. Анна Рудольфовна умеет быть очаровательной и легко покоряет тех людей, которые ей зачем-то нужны. Во всяком случае, прежде ей это хорошо удавалось. В блестящей карьере мужа она сыграла большую роль. Но она... простите, опять сошлусь на слова жены. Анна получает удовольствие от унижения людей, вот именно удовольствие, как пьяница от стакана водки. Казалось бы, что за радость пнуть поверженного льва, какого-нибудь отставного министра? О мелких сошках и говорить не приходится.

Костя был уже не рад, что завел этот разговор. В числе его пациенток Анна Рудольфовна определенно никогда не будет. Игорь Петрович к установке «не сплетничаем, а терапию готовим» отнесся со всей ответственностью. Он рассказывал о тех временах, когда Анна Рудольфовна была послыхой в одной из европейских стран. Послиха – значит жена посла. Слово не симпатичное, вроде зайчихи, но в дипломатических кругах принято как своего рода жаргонизм. На территории площадью два гектара Анна Рудольфовна организовала настоящую деспотию. Любимчики и фавориты-наушники, которых она постоянно меняла, плели интриги, а ниточки она держала в своих руках. Любая характеристика, назначение на должность, марка автомобиля для дипломата, работа для его жены – все и вся свершалось только с ее благословения. Но особенное удовольствие ей доставляла борьба за чистоту морального облика. В советской колонии – в посольстве, в торговом и военном представительствах – много молодежи, все семейные, но, конечно, бывали и измены, и страстные романы. Анна каждый случай, о котором ей доносили, вытаскивала на суд общественности. Ее – на заседание женсовета, его – на партийное бюро. И пошла писать губерния: допрос с пристрастием, а потом – позорите имя советского человека, моральное падение, сегодня жену, завтра родину продадите...

«Явная неудовлетворенность в сексуальной жизни», – подумал Костя, а вслух спросил:

– Неужели все дипломаты были так безропотны, что позволяли издеваться над собой?

– Конечно, не все, – от страха быть неправильно понятым Игорь Петрович даже затормозил и повернулся к Косте, – не думайте, что каста дипломатов – это некие приспособленцы и

убогие духом люди. Ничего подобного. Посольский народ в своем большинстве интеллигентен, умен, образован, способен представлять и защищать интересы своей страны – задача, смею вас уверить, подчас очень непростая. За границей не только по магазинам да ресторанам шляются, а работают, напряженно работают.

– Да, разумеется, я понимаю, – успокоил его Костя. – Далеко нам еще?

– Мы уже приехали.

Загородный дом Крафтов находился в старом дачном поселке, разбитом когда-то в лесу. Мидовские чиновники садоводством и огородничеством не занимались, деревьев не вырубали. Идиллический пейзаж несколько портили строившиеся в поселке новые дома-замки из красного кирпича.

Веру они увидели, когда прошли по дорожке в глубь участка, к дому. В шортах и легкомысленной футболочке, с двумя косичками, заплетенными у висков, она казалась подростком. Костя сначала не узнал ее, а узнав, подумал, что на вид ей можно дать лет тринадцать. Подошел ближе, протянул руку, мысленно прибавил три года – шестнадцать.

Вера стояла на лестнице, прислоненной к летнему душу, и держала в руках ведро с краской. Дарья на крыше орудовала кистью.

По заляпанному краской лицу Веры, по легкому замешательству, с которым она поздоровалась, можно было понять – их не ждали. Но вышедшая на крыльцо Анна Рудольфовна, давно и медленно стареющая женщина, в шелковом платье, с бусами на шее и браслетами на запястьях, сказала низким, хорошо поставленным голосом учительницы:

– Я уже решила, что вы передумали нас посетить.

Когда Игорь Петрович представил ей Костю, она протянула руку ладошкой вниз – для поцелуя. Но, по-мальчишески решив отомстить за смущение Веры, которую Анна Рудольфовна не сочла нужным предупредить о гостях, Костя пожал руку в перстнях.

– Вы познакомились с моей невесткой? – осведомилась Анна Рудольфовна.

– Только что, – соврал Костя.

После церемонии представления он вернулся к Вере с Дашей, предложил помощь в малярных работах.

Дарья спускаться с крыши душа не желала.

– Почему это мы должны бросать? Из-за них, че ли? – возмущалась она. – Тут немножечко осталось.

– Все, Дашенька, – уговаривала ее Вера, – работы имени Тома Сойера окончены, завтра докрасим.

Дарья плюхнулась животом на незакрашенную часть крыши, свесила вниз кудрявую головку.

– Ты кто? – спросила она Костю.

– Вы, – поправила ее Вера.

– Ну вы, че ли, не все, че ли, равно.

– Меня зовут Константин Владимирович. Можешь звать дядей Костей, но не дедушкой.

Договорились?

– Нет, че ли, я не понимаю. А по работе кто?

– По профессии, – снова поправила ее Вера.

– Доктор.

Костя улыбался: симпатичные, залитые солнечным светом на фоне зелени деревьев, девочки. Маленькая, с черными цыганскими кудряшками, любопытными глазенками, походила на вертлявого чертика. Старшая – на школьницу на практике после учебного года. Костя старался не опускать глаза, не разглядывать девичью грудь, не стянутую бюстгалтером под тоненькой майкой. И не пялиться на бедра.

– Какой доктор? – спросила Даша.

- Думаю, что хороший.
- Че ли не понимаете? Что вы лечите: че ли там рты или ноги?
- Челикать мы научились у шофера, который перевозил нас на дачу, – пояснила Вера.
- Я че ли там лечу характеры людей, – сказал Костя.
- Настроение? – уточнила Даша.
- Настроение, – согласился Костя.
- Че ли вы клоун? – Дарья взвизгнула от восхищения.

Костя расхохотался и весело подтвердил Дашино определение.

– Давай отпустим тетю Веру, – предложил он, – а сами докрасим. Похоже, нам есть о чем поговорить.

Вера воспротивилась эксплуатации гостей, но ее быстро уговорили. Дарье надо было задать Косте множество вопросов. Ее интересовало, может ли он лечить настроение кошек и собак. Костя, отвечая девочке и придерживая лестницу, оглянулся, чтобы увидеть ноги Веры, шедшей к дому. Красивые ножки.

Обед в саду, точнее, в лесу – среди деревьев не было ни одного плодового, а только ели и березы, – со старинным фарфором и серебряными вилками, напоминал мизансцену из чеховских спектаклей. Разговор, направляемый Анной Рудольфовной, казался вполне светским и умеренно интеллектуальным.

– Вам знакома книга Отто Вейнингера «Пол и характер»? – спросила она Костю.

– Да, знакома.

– Только не говорите мне, что вы согласны с этим ужасным немцем. – Анна Рудольфовна жеманно погрозила пальчиком. – Он низводит женщин до положения биологических машин. В каких-то главах он, безусловно, гениален, но скажите, как можно согласиться с утверждением о том, что материнская любовь безнравственна? Да, мы любим своих детей безумно, слепо, со всеми их недостатками. И поэтому мы, женщины, безнравственны? А разделить всех женщин на два класса – матерей и проституток? Это не безнравственно?

По тому, как Анна Рудольфовна критиковала Вейнингера, Костя понял, что книгу она либо не читала, либо обладала способностью выщипывать из текста пикантные кусочки, как отщипывают изюм от булочки. Чтобы прослыть эрудированным человеком – ход беспроигрышный.

Он слегка поддержал Анну Рудольфовну, выдвинув аргумент существования отцовской любви, которая бывает так же слепа, как и материнская. Потом растолковал некоторые любопытные, с его точки зрения, места в книге. Перешел на проблемы с психикой у самого автора: Вейнингер, написавший книгу, развенчивающую женщину, покончил с собой из-за неразделенной любви. У Анны Рудольфовны теперь будут новые факты для другого «интеллектуального» разговора на эту тему.

Заговорили об отечественном здравоохранении. У каждого были к нему претензии и рассказ о некомпетентности или черствости врачей. Костя высказал банальную мысль о том, что здоровье людей зависит от экономического благополучия общества, которое, в свою очередь, складывается из экономического благополучия отдельных его членов. В качестве примера привел геронтологическую клинику санаторного типа в их больнице и живописал ее достоинства.

– В подобном заведении, – говорил он, – всякий человек после пятидесяти должен провести хотя бы один месяц в году. Это реальный способ продлить жизнь и оставаться здоровым, хотя и не дешевый. Впрочем, и богатых людей в нашем городе немало. На госпитализацию очередь. Даже мы, врачи, устраиваем туда своих родителей и друзей по старому как мир способу – по знакомству.

Крючок был заброшен, оставалось надеяться, что Анна Рудольфовна наживку проглотит. Больше к этой теме Костя возвращаться не собирался. Ему вообще хотелось общаться не с

напыщенной Анной Рудольфовной и не с Игорем Петровичем, который до сих пор переживал из-за своих откровений в автомобиле, а с красивой молодой женщиной, с Верой. Она теперь была в легком ситцевом платье, волосы убрала в пучок, но на лбу, на висках, на затылке они слегка выбились, что делало ее по-домашнему милой. Прав был Игорь Петрович – Вера действительно окружена атмосферой удивительной чистоты. Но к слову «удивительной» Костя бы добавил – «возбуждающей».

Им удалось остаться вдвоем только к вечеру, когда Вера и Даша пошли провожать его до станции. Игорь Петрович уезжал на следующий день.

Дарья прыгала по лесной тропинке, собирала цветы, спрашивала их названия. Костя не знал ни одного растения, Вера – почти все. Она научила Дашу плести венок, и девочка погрузилась в это занятие.

На яркой, еще по-весеннему чистой зелени травы и деревьев желтыми и пурпурными красками играли солнечные блики. Темнеющий лес источал цветочно-терпкие ароматы, которые сдерживал знойным днем.

Костя подумал о том, что он, в сущности, лишен очень многих важных для человека вещей. Вот таких прогулок по лесу, верной и доброй жены, ребенка, семейного гнезда, в котором можно расслабиться и отдохнуть от профессиональных проблем.

– Я хотела вас спросить, – начала Вера. – С Дашиным отцом случилось несчастье...

Она остановилась, повернулась к Косте, как бы подчеркивая важность предстоящего разговора. Он видел ее волнение и почувствовал укол ревности к Дашиному папе. Почему Вера о нем беспокоится?

– Он упал, – продолжала Вера, – упал на лестнице. Голова разбита, кровь, глаза закатились, потерял сознание – словом, страшно, очень страшно. Даша у нас уже неделю. Я звоню им домой в Москву – никто не отвечает. В больнице, в справочной, говорят, что состояние Юры тяжелое. Аня, мама Дашеньки, в положении, через месяц должна рожать. Моя свекровь не может остаться и на несколько часов одна, но на следующей неделе я все-таки поеду с Дашей в Москву. Неопределенность изнурительна. Как вы думаете, чем подобная травма может грозить Юре?

Костя ответил не сразу. Он сорвал травинку и задумчиво ее покусывал.

– Я не специалист. Единственное, что могу сказать... Видите ли, только один орган человеческого тела природа спрятала особенно надежно – мозг. Прочные кости черепа, особая жидкость, в которой мозг плавает. Потому что его надо тщательно беречь от травм, сотрясений. Более того, как вы знаете, кровь движется по сосудам под особым давлением и пульсируя. Но на входе в мозг расположены механизмы, которые эту пульсацию убирают, кровь идет ровным потоком и с другим давлением. Все это очень тонко и сложно, по сути, мало нами понято и изучено... Думаю, у вашего друга возникнут те же осложнения, что бывают у людей, перенесших инсульт, – паралич, потеря памяти, навыков чтения, письма и прочее. Все зависит от того, какой участок мозга и насколько пострадал.

Костя не хотел говорить о почти неизбежных нарушениях психики у этих больных.

Чтобы немного отвлечь Веру, он рассказал об удивительной способности одних участков мозга брать на себя функции других, пораженных. Так, собственно, и происходит выздоровление человека. Вспомнил курьезные случаи: у одного монтажника после падения с большой высоты неожиданно открылись способности живописца. Он оставил прежнюю профессию и весь отдался новому призванию. Даже несколько выставок провел. Описан и другой случай: после сильного сотрясения мозга у невежественного крестьянского парня появилась необыкновенная тяга к знаниям, он поступил в университет и впоследствии защитил диссертацию.

Костя не стал уточнять, что в истории медицины таких случаев не наберется и полдесятка на многие миллионы.

Глава 6

Вере открыла незнакомая женщина с младенцем на руках.

– Простите, – начала растерянно Вера, но ее прервал Дарьин вопль:

– Тетя Таня приехала! А это Кирюшка? Вот здорово! Покажите мне его немедленно!

Вера слышала от Анны, что в Донецке живет ее старшая сестра. Таня, по рассказам же, знала о подруге сестры. Преодолеть неловкость первых минут знакомства помогла неугомонная Даша. Таня терпеливо отвечала на град вопросов племянницы: «Почему у него глаза закрыты? Когда мы будем его кормить? Он улыбаться умеет? А разговаривать? А как мы узнаем, что он описался? С ним гулять на улице можно? Где продают коляски для маленьких?» – но наконец не выдержала:

– Даша, тебе бабушка прислала черешню. Мытая на столе в кухне. Иди-ка подкрепишься. Нет, Кирюше пока нельзя фрукты, так что можешь поглотить все.

Теперь Татьяна могла ответить на вопросы Веры, но она сама знала мало. Приехала два дня назад. Мальчик, несмотря на то что родился преждевременно, вполне здоровенький. Анну больше недели держали в больнице, только сегодня выписали. А рожала она дома, соседи помогли. Да, ужасно. Сейчас Анна в больнице у Юры. Его перевели из реанимации в палату.

Общим у сестер был только цвет волос – насыщенно-черный, но обе неуловимо походили друг на друга ласковым, домашним, сразу внушающим доверие выражением глаз, улыбкой, плавными движениями, одинаковыми жестами. Таня вызвала у Веры то же чувство, что и Анна при первом знакомстве, – простоты и надежности.

Таня пеленала Кирюшу на диване, меняла мокрые пеленки. Вера и Даша рассматривали маленькое тельце, забавно подрагивающие ножки и ручки. Дарью интересовало, зачем братику столько пеленок, как каждая из них называется, возмущал запрет тети Тани давать Кирке не только конфеты, но и соски, и даже вообще близко к нему подходить. Вера, наблюдая, как ловко Татьяна управляет с младенцем, думала о том, что никогда в жизни она не сможет выносить, родить вот такое чудо, никогда не будет пеленать своего ребенка, кормить его грудью, держать на руках. Сколько она молилась, сколько слез пролила. Но против природы, которая обошлась с ней жестоко – не дала нормального детородного органа, – молитвы бессильны. Они даже кощунственны.

Остаток дня до приезда Анны они провели, расставляя мебель и разбирая вещи. Тяжелые шкафы и сервант помог водворить на место заглянувший справиться о здоровье крестника сосед Слава.

– Да ты, парень, вырос уже! – крикнул он, увидев Кирилла. – Я же его своими руками! Девочки, вы себе не представляете, что пережил. Мама родная! Мы спим, она влетает, рожаю, кричит. Бац на диван и давай тужиться. У меня голова дыбом – глаза из ушей смотрят. Тут эта молекула появляется – красно-синий в пене и со шлангами водопроводными. Все, думаю, кранты, мутанта родили. Нет, говорят, все нормально. А кровищи! Врач приехала, а у нас как на бойне. Я ребятам в таксопарке рассказал, меня теперь все Акушером зовут. А что? Горжусь. Это вам не слона брить, какого пацана на свет вытащили. С Юрой, конечно... Да, жалко человека. Я его-то и не знал толком, только познакомились.

Втроем они работали до десяти вечера и в конце концов привели квартиру в приемлемый для жизни вид. Осталось повесить шторы – какие и куда, должна была сказать Анна.

Как она потускнела, подумала Вера, когда Анна вернулась домой. Тусклыми стали волосы – раньше на них перламутровым венцом играла радуга. Тусклыми были карие глаза – словно свет в них разучился отражаться. Молочно-белая кожа приобрела землистый оттенок

и обвисла, большой живот еще не подтянулся после родов, одежда мешковатая – Анна была пыльной тенью себя прежней.

Она шаталась от усталости. Ей только сегодня сняли швы и предупредили, что еще десять дней нельзя садиться – только лежать и стоять, чтобы рубцы не разошлись. Поэтому она ехала в больницу на метро, а не на такси, а там стояла целый день в палате у Юриной кровати. Ноги подкашивались.

Не раздеваясь, Анна прилегла на диван, закрыла глаза.

– Да, он пришел в себя, – вяло отвечала она на расспросы. – У него акинетический синдром. Лежит неподвижно, но с открытыми глазами, может даже следить за действиями других людей. Но совершенно не реагирует на речь – ни словом, ни мимикой. Меня не узнал, мать тоже. Что? Как долго? Никто не может сказать. Главное – остался жив и уже есть какой-то прогресс. За ним нужен уход. Больница хорошая, но ухода надлежащего нет. Буду ездить к нему каждый день. Я никому не могу его доверить.

Анна открыла глаза и тщетно силилась удержать слезы: они текли по щекам, медленно, привычно.

– Мама, ты плачешь? – поразила Даша. – Ты ударила больно?

– Да, доченька, ударила. Сейчас перестану. Я не знаю... не знаю, как можно жить без него...

– Без папы? – недоуменно пожала плечами Даша. – Разве ты, мама, че ли, глупая женщина? Без нашего папы жить нельзя воще. Это идеальный мужчина для таких неординарных женщин, как ты и я.

– Лексика моей свекрови, – пояснила Вера.

– Нюра, надо Кирилла кормить. Как ты? – спросила Татьяна.

– Нет, – качнула головой Анна, – не пришло молоко. Вот еще одна проблема. Мне и уколы гормональные в роддоме делали, и ультразвуком массируют – пусто. А с Дашей было все в порядке, я ее до восьми месяцев кормила.

– Сегодня приходила врач, – сказала Таня, – выписала рецепт на детскую кухню.

– Да, хорошо, – отозвалась Анна, – то есть плохо. Хотя бы до трех месяцев подержать его на грудном вскармливании. В роддоме ему давали молоко одной женщины, и с собой она мне пол-литра нацедила. Есть еще в холодильнике? У нее на пятерых хватит, продавать будет. Она тоже выписалась, но живет далеко, в Медведкове. Кто туда ездить будет? Да и как его довезти, чтобы не испортилось?

– Я буду ездить, – сказала Вера, – и у нас есть сумка-холодильник. Мы в Перу на пикники с ней выбирались. Ты позвони этой женщине, договорись, что я завтра приеду.

Анна не стала возражать. У нее не было сил даже поблагодарить Веру и вообще разговаривать, заботиться о детях, принять душ – только спать.

Вера ехала в метро домой и предавалась несбыточным мечтам. Она представляла, что Анна согласилась отдать им Кириюшу. Вот он живет у них. Вера пеленает его, укачивает, Сережа выходит с коляской на прогулку... Она отгоняла от себя эти картинки, но они снова и снова возникали перед глазами.

Вначале Сережа даже слышать не хотел о том, чтобы взять чужого ребенка, сироту. «Мой единственный ребенок – это ты», – говорил он. На самом деле место ребенка в их семье заняла Анна Рудольфовна. Теперь Сережа уже не так категоричен, но постоянно откладывает: то им надо ехать в командировку, то сделать ремонт, то накопить денег, то мама болеет, то отпуск на носу.

Сама не заметив того, Вера стала мысленно пересказывать историю своих отношений с мужем Константином Владимировичу. Впрочем, ничего странного, ведь Колесов – психотера-

певт. С ним все откровенничают. Вера смотрела на схему метро в вагоне, а видела лицо Кости. Ласковые глаза, легкая поощряющая улыбка.

В Институт международных отношений Вера попала в составе тех девяноста девяти процентов абитуриентов, которые проходили в этот вуз по конкурсу родителей. Но ее совесть могла быть спокойной: она окончила школу с золотой медалью, год дополнительно занималась с репетиторами, и, будь экзамены справедливыми, она бы их выдержала без поддержки папы – заведующего консульским отделом МИДа.

Дружба с Сережей началась с первого курса. Учиться было легко, времени свободного много, и они проводили его сообразно возрасту – собирались небольшой компанией на квартирах или на дачах, когда там не было родителей, ходили в рестораны, на модные спектакли и выставки, подпольные концерты рок-групп. Сережа стал ее рыцарем незаметно, но прочно. На третьем курсе они поженились и жили, в отличие от многих друзей, спокойно и размеренно.

Но Вере почему-то запомнились слова Олега Костина, сына рабочего и крестьянки, как звали его в институте. Он поступил в МГИМО не по благу, а в числе того одного процента, который допускали в престижное учебное заведение для объективности социальной картины. Завалить его было бы сложно: Олег обладал уникальной памятью и интеллектом. К вступительным экзаменам он, кажется, знал наизусть программу вплоть до третьего курса. Во время сессий не раз заставлял экзаменаторов краснеть, демонстрируя превосходящую их уровень эрудицию. Но воля и честолюбие у него отсутствовали. Олег стал пить. Заканчивал он институт уже на инерции прежних знаний, окончательно превратившись в алкоголика.

На вечеринке по случаю помолвки Веры и Сергея он напился и неожиданно стал бросать в лицо Сергею обвинения:

– Ловкий ты парень, Крафт. Если папа – то посол, если второй язык – то английский, а не хинди, как у некоторых. Если жена – то самая красивая девушка в институте. Как ты ее окучил, а? Пеленки потуже затянул? Мне тебя, Верка, жалко. Так ты и не выбралась из младенческого возраста. Ну что ты в нем нашла? Он же пигмей рядом с тобой, ничтожество.

– За такие слова можно и схлопотать! – вспыхнул Сергей.

– А что ты мне сделаешь? – ухмыльнулся Олег. – По морде врежешь? Не верю. Такие, как ты, топят людей за канцелярскими столами, а кулаком двинуть тебе слабо.

Вера видела, что Сергей разозлился. Красные пятна на шее – такие же были у него, когда к ней в метро пристал пьяный офицер. Сергей тогда схватил ее за руку и вытащил из вагона, хотя им надо было ехать до следующей остановки. Он поступил правильно: случись драка, вмешайся милиция – и в институт обязательно придет бумага, а с этим у них строго, могут и отчислить. И кроме всего прочего, чтобы сдержаться, полагала Вера, требуется мужества больше, чем для вульгарного выяснения отношений с помощью кулаков.

– Завидуешь? – ухмыльнулся Сергей.

– Конечно, – с готовностью согласился Олег. – Как вся мужская часть института. А еще больше досада берет. Загубишь ты девочку, Крафт. Она с тобой, рожденным ползать, неба не увидит. Превратишь ты ее в дуру лакированную.

– Олег, перестань, – не выдержала Вера. – Зачем ты портишь нам праздник?

Потом она долго думала над словами Олега. И пришла к выводу, что он совершенно не прав. Она любила Сергея, потому что мечтала о нем еще до того, как они стали целоваться в подъезде. И близости с ним ждала без страха, почти без страха. В Сереже и в самом деле есть что-то ненатуральное: он все время стремится доказать свою значимость. Но Вера видела в его высокомерии свидетельство милой детской слабости быть самым-самым. Казалось, еще немного – и маскарад кончится, маска упадет и откроется настоящий Сергей, добрый, славный и родной. Собственно, и окончательное решение – я выйду за него – пришло, когда Вера уви-

дела его больным и беспомощным во время тяжелой пневмонии. Она пришла навестить его, и сердце сжалось от желания прилечь рядом, обнять и приглубить этого человека.

А сейчас? Не стала ли она в самом деле лакированной дурой? Если и да, то Сергей, конечно, ни при чем. «Да, он уже не тот, что был семь лет назад, когда они поженились. Он стал частенько гневаться, раздражаться по пустякам, говорить обидные вещи. Это выход отрицательной энергии. И мое предназначение жены гасить его агрессию. Пусть лучше я, чем посторонние люди. Пусть и дальше никто не догадывается о тех сценах, что у нас случаются.

Но у меня ощущение человека, который долго едет на эскалаторе вниз. Когда-нибудь я встану на соседний эскалатор, вверх? Как вы полагаете, Константин Владимирович? Что пропишете, доктор? Правильно, я и сама знаю. Требуется маленькое чудо – вроде Кирюши Самойлова».

Глава 7

Анна Рудольфовна лежала в клинике уже неделю, а Костя не навестил ее. Именно об этом он подумал, когда случайно столкнулся на больничной аллее с Верой. Он шел из административного в свой корпус, а Вера возвращалась от свекрови.

Правила хорошего тона требовали повиниться, сослаться на занятость. Но Косте менее всего хотелось превращаться в карманного врача Анны Рудольфовны. Не стал он говорить и о том, что геронтологическим отделением заведует его приятельница Галка Пчелкина, в кабинете у которой он часто распивает чай.

Поздоровавшись, он задал дежурный вопрос:

– Как себя чувствует ваша свекровь?

– Кажется, неплохо. Во всяком случае, домой не собирается.

– На днях я обязательно ее навещу.

Беседуя, они шли по центральной аллее к выходу. Территория больницы занимала почти десять гектаров. Здания были разбросаны в искусственно выращенном, но очень старом лесопарке. Порядок поддерживался с помощью больных, которым отчасти по медицинским показаниям, отчасти из-за отсутствия дворников прописывалась трудотерапия.

После жарких дней наконец чуть похолодало: цвела черемуха. По аллеям плыл терпкий и свежий запах. Бутоны сирени уже набухли, грозди вот-вот раскроются. Они словно ждали, когда кончится власть черемухи, чтобы наполнить воздух своим ароматом.

Костя показывал старые, еще дореволюционные корпуса, рассказывал, как прежде лечили сумасшедших. Новые здания были такими же обшарпанными, но на фоне старых выглядели люмпенами рядом с обедневшими аристократами. Вера сказала, что у нее есть книга воспоминаний одного царского генерала, в которой целая глава посвящена известному русскому психиатру, имя которого носила больница. Костя попросил книгу почитать. Они договорились о новой встрече, и обоим пришла в голову мысль, что книгу можно было бы оставить у Анны Рудольфовны. Но никто не предложил этого варианта.

«Кажется, Вера обрадовалась их встрече, – думал Костя на обратном пути. – Или мне померещилось? Очень милая женщина. И совершенно безнадежный вариант. Только дружба. Подобные женщины либо вообще не изменяют мужьям, либо, если сдаются после длительной осады, на которую и времени у меня нет, делают из этого нудную трагедию. Не то что Наталья».

Натальей звали заведующую продуктовым магазином на первом этаже дома, в котором жил Костя. Однажды он после работы с тоской рассматривал пустые прилавки, соображая, чем бы поужинать. Наталья безошибочно угадала в нем неженатого, пригласила к себе в подсобку и предложила сыр, колбасу, яйца, творог, консервы. Костя обрадовался возможности загрузить холодильник. Его радость Наталья восприняла как комплимент. Через неделю она уже сама поднималась к нему в квартиру с сумкой продуктов. Костя решительно пресек ее попытки дарить продовольствие и платил за все с учетом наценки за доставку.

Отношения сложились быстро и утилитарно: Наталья не нуждалась в долгих ухаживаниях, объяснениях, клятвах и прочих романтических атрибутах. В первый же вечер посмотрела на него глазами, в которых безошибочно читался весь эротический набор: вопрос-ответ, призыв-согласие.

У Натальи был муж, две дочери, не исключено, что и «еще один мужчина в ближнем Подмосковье». Ее темперамента хватило бы на десяток партнеров. И из каждого она бы делала что-то вроде мини-мужа, то есть принимала на себя обязанность кормить, стирать, штопать носки и следить, вовремя ли он уплатил за телефон. Галка Пчелкина, институтская приятельница и коллега Кости, познакомившись случайно с Натальей, назвала ее бесплатным сыром в мышеловке.

Через два дня Костя забыл о назначенном свидании. Вернее, вспомнил о нем в два тридцать, а договаривались они на два. Он выскочил на улицу и побежал по дорожке.

Вера не ушла, она ждала его там, где они договорились, на скамейке. На ее плечи был накинут светлый пиджак. Ветер играл легким крепдешиновым платьем, открывая колени, но Вера не обращала на это внимания. Она поставила на спинку скамейки локоть, положила на ладонь голову и спокойно, никак не реагируя, смотрела на приближающегося Костю. Нет, не смотрела, понял он, подойдя, – она дремала. Ветер хулиганил с Вериним платьем – вот он закружил юбку и припечатал ее к животу. Виден треугольник трусиков.

Костя присел рядом, не зная, что делать – разбудить, поправить платье? Проснулась Вера, не иначе как почувствовав его томление. Она открыла глаза, несколько раз сонно моргнула.

– Здравствуйте, Костя, я задремала. Вы давно пришли? Ой. – Она заметила свои голые ноги. – Безобразие. Извините.

– Это вы извините, что задержал вас. Вы плохо спите ночью?

– Отлично сплю.

Последние две недели она действительно спала как убитая. Но каждый день вставала в пять тридцать, а возвращалась домой после десяти вечера. Утром мчалась за молоком для Кирюши. Днем, пока Таня готовила обед, гуляла с Дашей и Кирюшей. Когда дети спали, ходила по магазинам, стояла в очередях. К вечеру, к приходу Анны из больницы, они с Таней валились с ног от усталости. В понедельник и пятницу Вера навещала свекровь в больнице.

– Вот книга, которую я обещала. – Она протянула сверток. – Надо было просто оставить ее у Анны Рудольфовны, чтобы не отрывать вас от работы. Спасибо, что навестили мою свекровь.

Вера поднялась со скамейки. Костя остался сидеть.

– Вера, вы обиделись на меня?

– Обиделась? – переспросила она удивленно. – На что?

– Я заставил вас ждать...

– Ничего подобного. Я прекрасно провела время, надеюсь, что я не храплю и мое сопение никого не напугало. – И мысленно добавила: «Доктор, вы не можете отличить смущение от обиды? Интересно, как долго я демонстрировала части тела выше колен?»

– Не напугало, – улынулся Костя. – Я не заметил ни разбегающихся больных, ни разлетающихся птиц. У вас есть несколько минут? Присядьте, мы поговорим о вашей свекрови.

Костя не выдавал врачебных тайн, он просто поведал Вере о диагнозах, которые ставили Анне Рудольфовне специалисты, растолковал их. Никаких серьезных отклонений, кроме тех, что неизбежны в пожилом возрасте.

Вера умела слушать, это он отметил еще при первом знакомстве. Иногда вдруг внимательно заглядывала в глаза собеседнику с похвалой и поощрением. «Какое интересное замечание, – как бы говорил ее взгляд. – Вы удивительно умный человек, продолжайте, пожалуйста».

И Костя от проблем Анны Рудольфовны перешел к лечению душевных недугов вообще – уровню его сегодняшней организации и тому, как, по мнению Кости, оно должно быть налажено. Они уже давно встали и прогуливались по парку. Костя спохватился, когда они пошли на второй круг:

– Я вас совсем заболтал. Со мной приключился приступ неудержимого словоизвержения.

– Замечательно, что приключился. Все, о чем вы говорите, мне очень интересно. Недавно я сама столкнулась с душевнобольным человеком. Никак не забуду эту сцену в автобусе.

На одной из остановок в автобус зашла очень высокая, крупная женщина. Фигурой она напоминала популярных несколько лет назад исполнительниц русских народных песен. С первого взгляда женщина казалась двухголовой: на первой, настоящей, голове темные волосы были гладко зачесаны назад и уходили под вторую голову – большой гладкий шар прически. Сверху, между двумя головами, стояла и непонятно как держалась высокая, жестко накрахма-

ленная белоснежная панама. Руки женщина держала строго согнутыми в локтях и прижатыми к животу. Кисти закрывали перчатки, такие же белоснежные, как панама, воротничок на платье и сумка, висевшая на плече.

Какое-то время казалось, что женщина-монумент ни на кого не обращает внимания: взгляд устремлен в пространство, за поручни она не держалась, но и не качалась при торможении. И вдруг она, не поворачивая головы, ткнула пальцем в стоящих рядом и чему-то смеющихся девушек.

– Прежде чем открывать рот, – густым, низким голосом сказала дама, – вам бы следовало как следует вымыть шею и уши. Отвратительная грязь!

Пассажиры невольно прыснули, девушки покраснели от возмущения и начали препираться с двухголозой. В ответ они получили лекцию о женской гигиене, прочитанную громко, внятно и с физиологическими деталями, о которых не принято упоминать в обществе. По тому, как говорила женщина, как крепко были спаяны предложения – чужой реплике не протиснуться, – становилось понятно, что подобная лекция для нее дело привычное и отработанное.

– Знаете, что произошло, когда мы наконец поняли, что перед нами душевнобольная? – рассказывала Вера. – Часть народа, и я в том числе, стала потихоньку отходить, дабы случайно не попасть ей на язык. Другие, напротив, стали к ней приближаться. Догадываетесь зачем?

– Чтобы посмеяться, очевидно.

– Верно. Они стали подзадоривать ее, задавать пошлые вопросы. Словом, веселились.

– У меня была одна больная, – вспомнил Костя, – тоже с маниакальной идеей чистоты. Соседи по коммуналке несколько лет не выпускали ее из квартиры, подкармливали слегка и поощряли то, что она день и ночь драила везде полы. К нам она попала с очень запущенной формой болезни. Вот та женщина в автобусе, пока она не заговорила, какое на вас впечатление произвела?

– Несколько экстравагантная, но вполне нормальная.

– В этом-то и дело. Нет физических дефектов – так и жалеть нечего. Несет чушь – значит, дура, а я умный. Над дураком посмеяться – милое дело. И в то же время нельзя считать наших пациентов недочеловеками. Знаете что... Вы когда в следующий раз придете? В пятницу? Я вам покажу картины наших больных. В прошлом году мы организовали выставку, несколько работ мне потом подарили. Книгу вашу я верну не сразу, хорошо? Возможно, мы что-то найдем в ней для музея больницы. В обмен могу предложить Ломброзо «Гений и помешательство». Не читали? Недавно вышло репринтное издание. Думаю, вас заинтересует. Значит, до пятницы?

Они снова встретились, Костя показал картины своих пациентов. Вера ожидала увидеть мазню людей с разрушенным сознанием, которая может умилять только врача. Но по уровню мастерства работы не уступали произведениям выпускников какой-нибудь художественной студии при Доме культуры. Вера так рисовать не умела. Особенно ее поразил один женский портрет. На первый взгляд казалось, что картину делали торопливо, наспех: все, кроме глаз, непропорционально больших, затушевано. Но глаза! Глаза женщины за секунду до рыданий. Расширенные за мокрыми линзами слез зрачки звали заглянуть в душу и молили о помощи. Под портретом стояла подпись «Надежда». Костя не знал, имя это или идея картины.

Глава 8

Шапочка Гиппократы. Так называлась повязка, закрывавшая голову Юры, – плотный белый чепчик с тесемкой под подбородком. Эта повязка – первое, что видела Анна каждое утро в палате. Юра по-прежнему не реагировал на ее появление, на обход врачей или уколы медсестер, не издавал ни звука, не шевелил ни рукой, ни ногой. Единственным признаком его участия в жизни было вялое перемещение взгляда с предмета на предмет. Юра ни разу не дал понять, что слышит или слушает рассказы жены о детях, об их житье-бытье. Но Анна упорно говорила, задавала ему вопросы и сама же на них отвечала.

Она приходила утром, умывала, брила и кормила мужа, меняла ему постель, ставила судно. В палате лежали еще двое таких же тяжелых больных и трое ходячих. Анна ухаживала и за двумя лежачими – выносила судна, кормила, снимала капельницы, когда медсестер долго не было. После ужина, заплатив ночной нянечке, чтобы та в случае необходимости поменяла Юре пеленки и подмыла его, Анна ехала домой. Нянечки деньги брали, но обещаний часто не выполняли, и тогда утром Анну в палате встречал густой смрад и жалобы соседей. Анна мыла мужа, меняла белье, а вечером снова совала деньги няне.

Врачи уже не говорили Анне, что нужно подождать реабилитации. Месяц – достаточный срок, чтобы восстановление началось. Поражение мозга у Юры было тяжелым – пострадал большой участок, отвечающий за многие жизненные функции. Травма, по словам врачей, была вообще малосовместима с жизнью. И все-таки Анна твердо верила в чудо – Юра придет в себя. Без чуда ей просто не выжить.

В больнице Анна старалась сохранять присутствие духа и оптимизм. Но едва доползала до дому – бодрость покидала ее. Она любила своих детей, но почти не видела их, не занималась с ними. Как штангист, отжав предельный вес и удерживая его над головой, не может вести милую беседу, так и она не могла расхотеть себя даже на самых близких и родных.

Всю домашнюю работу выполняли Татьяна и Вера. Тане доставалась большая часть. В больнице не выдавали постельного белья для Юры, ежедневно Анна возила свои простыни, а Таня стирала их и пеленки младенца. Она утюжила белье, готовила еду для Юры, кормила детей, купала их, убирала квартиру, ночами вставала к Киришке. Вера тоже выматывалась в постоянных разъездах по городу и в поисках продуктов, но, гуляя с детьми и навещая свекровь, хоть немного отдыхала.

От накопившейся за месяц усталости из-за недосыпания и тупого монотонного труда Татьяна начала раздражаться. Ей и надо-то было немного – доброе слово сестры, признательность, пусть самая легкая. Она пыталась поговорить с Анной:

– Нюрочка, ты совершенно измучилась, я понимаю. Но тебе надо успокоиться, расслабиться, что ли. Ты сама на себя не похожа. Похудела на десять килограммов, нервная, сухая, ко всему безучастная. Постарайся хоть иногда улыбаться, шути. Мы смеха твоего не слышали уже сто лет.

– Над чем мне смеяться? – поразилась Анна. – Над собой? Над Юрой? О, веселья в больнице хватает. Ничего ты не понимаешь, ты такого не пережила.

– Упрекаешь? Вот спасибо! Конечно, я не понимаю, как тебе тяжело. Конечно, я не кручусь как белка в колесе, чтобы тебе помочь. Конечно, я не бросила больную маму и свою семью, чтобы примчаться к тебе. Ладно, меня ты не замечаешь, но хоть бы Веру когда-нибудь поблагодарила. Она же целыми днями на тебя вкалывает.

– Я вас ни о чем не просила. – Слова против Анниной воли вылетали злые и несправедливые. – Устала – поезжай домой. Обойдусь без вас.

– Не обойдешься, – Таня не заметила, что повысила голос почти до крика, – дура несчастная! Да тебе нравится! Просто нравится быть несчастной, слабой, сопли до колен распускать:

ах, какая я бедняжка! Жалеешь себя и калечишь жалостью свою семью. В кого ты превратилась? В тряпку! Бродишь тут скорбной тенью! Думаешь, это Юре нужно? А Дашке и Кириллу? Я с тобой вечно жить не буду, и Вера не нанялась в домработницы. Тебе о будущем думать надо, а ты в тоску ударилась. Как будто не Юру, а тебя парализовало.

– Не трогай Юру! – Анна тоже кричала. – Что ты мне тычешь в лицо своими благодеяниями? Я тебя ни о чем не просила! Мне ни от кого ничего не нужно! Моя жизнь кончилась, а вы... вы...

Анна разрыдалась. Таня не стала ее утешать, лишь голос понизила.

– Если ты полная идиотка, то пожалуйста, считай свою жизнь законченной. Но у твоих детей она только начинается.

Обе понимали, что не правы в своих обвинениях, поэтому на следующее утро вели себя так, словно ссоры и не было. А вечером Анна вернулась домой радостная и возбужденная. Юра сказал первое слово и начал шевелить руками.

– Главное – первый толчок, начало реабилитации, – в десятый раз повторяла Анна свой рассказ Вере, Тане и Юриному другу и однофамильцу Игорю Самойлову, который заехал навестить их. – Знаете, какое слово он говорит? Мама. Он меня мамой называет. Наверное, помнит, что Кирюшка родился, и о нем спрашивает. Хуже всего возвращается речь. Здесь нельзя ждать быстрого прогресса. Сейчас главное – двигательные функции. Нужно делать массаж. Он, конечно, влетит в копеечку, ну да плевать, выкрутимся. Врачи виду не показывают, но они точно удивились тому, что Юра заговорил. Как замечательно! Дней через десять его могут выписать домой. Девочки, я так вам благодарна, без вас я бы пропала. Игорь, что там у Юры на работе?

Юра получил травму в период, когда числился безработным: он с небольшим скандалом уволился из одного подразделения в «Аэрофлоте» – не отпускали и на перевод не соглашались. Он написал заявление об уходе, а за отпуск получил денежную компенсацию. А в другой отдел подал заявление с просьбой зачислить его через два месяца – те самые, которые они планировали для обустройства квартиры и ухода за младенцем. Теперь, как узнал Игорь, приказа о зачислении Юры не будет – никто не хочет да и не имеет права брать на работу тяжелого инвалида.

Рассказывая о своих хождениях по кабинетам и комично пародируя начальников, Игорь посматривал на Веру, явно желая произвести впечатление. Он был известным сердцеедом, но Анна мысленно усмехнулась – не по зубам Игорю орешек. Еще вчера она бы даже не заметила его стараний. А сегодня! Одно слово Юры – и мир начинает возвращаться на место, с которого обрушился месяц назад.

Дарья явилась с улицы с сообщением:

– Я с Колькой поссорилась. Он раньше на мне жениться хотел, а теперь еще на Машке из четвертого подъезда хочет. Говорит, у него две жены будет. У меня теперь против него мстя.

– Подрастающий султан, – рассмеялся Игорь, – гарем формирует.

– Даша, а что у тебя против Коли? – уточнила Таня.

– Мстя. Я ему мстить буду.

– Такого слова нет, – сказала Анна.

– А какое есть? – спросила Даша. Все задумались, переглянулись и рассмеялись – дружно не могли вспомнить.

– Отмщение, – сообразила Таня. – Нет, вот еще короче – месть.

– Ну, пусть месть, – согласилась Даша.

– Дашенька, это плохое слово, – сказала Вера.

– И оно матерное? – всплеснула руками девочка.

– Нет. – Вера покачала головой. – Но оно обозначает очень плохое чувство и плохие поступки. Человек, который мстит, думает, что он делает что-то правильное для себя, даже приятное, а на самом деле наносит вред и себе, и другим людям.

– Это как ранки ковырять? – уточнила Даша.

Вчера ее отругали за то, что сдирала со сбитых коленок коричневые корочки.

– Похоже, – улыбнулась Вера.

– Нет, – не согласилась Дарья, – зеленкой мазать еще больше.

– Дашка, заведи другого жениха, – посоветовал Игорь, – и твой Колька тут же запросится обратно. Это я тебе как мужчина рекомендую.

– Ладно. Жалко, что Ванька со второго этажа в лагерь уехал, я бы на нем женилась.

– Вышла замуж, – поправила ее Анна. – Что у нас за разговоры? Женихи, замужества... отправляйся умываться, невеста.

– Мамочка, – Дарья слезла со стула, подошла к матери и обняла ее, – не волнуйся, это все не по-настоящему. По-настоящему я выйду замуж только за нашего папочку.

Анна посмотрела на сестру и Веру, словно впервые их заметила. Девочки совсем закрылись. У Тани дерматит на руках от постоянной стирки, опять забыла купить ей резиновые перчатки. У Веры, кажется, уже должны кончиться деньги на молоко. Значит, она тратит свои. Анна хотела отказаться от денег, которые собрали друзья на бывшей Юриной работе, – он ведь не умер, а собирают обычно на покойника. Но потом передумала и сказала Игорю:

– Передай ребятам большое спасибо. Игорь, ты во сколько выезжаешь на работу, ты ведь на «Бабушкинской» живешь?

– Теоретически.

На «Бабушкинской» Игорь жил какое-то время назад у своей дамы сердца.

– Ты не мог бы по утрам забирать Веру от кормилицы в Медведкове и подвозить к нам?

– Без проблем. – Он обаятельно улыбнулся Вере.

– Буду вам очень признательна. – Вера решила забыть о деликатности и принять помощь малознамого человека.

В последнее время она постоянно засыпала в метро, стоило только присесть, и нередко проезжала нужную станцию. А сегодня очнулась оттого, что пристроила голову на плече какого-то военного и крупные звездочки его погона впились ей в щеку.

Глава 9

Они уже не договаривались о свиданиях, каждый вторник Костя говорил Вере: «До встречи в пятницу», а в пятницу прощался до вторника. Вера проводила у свекрови около часа, а потом они гуляли с Колесовым по больничному парку или сидели, мирно беседуя, на скамейке в тени старых деревьев. Темы разговоров цеплялись одна за другую, и обязательно оставалось что-то недоговоренное для следующей встречи.

Они обсуждали книги, которыми обменивались, и, даже если мнения не совпадали, разговор не переставал быть интересным. Книга Ломброзо «Гений и помешательство» Вере решительно не понравилась. Идея о тесной связи таланта и душевной болезни показалась ей кошунственной. А Костя разделял эту точку зрения многих психиатров, изучавших психические отклонения у гениальных людей.

Скрытые сокровища гениальности, объяснял он Вере, покоятся в подсознании, лежат там в темном ларчике. Охраняет ларчик верный страж – сознание. Чтобы вытащить сокровище, надо с этим стражем что-то сделать, усыпить его бдительность. Подпоить, например. Поэтому у многих талантливых людей алкоголь растормаживает творческое вдохновение. Но есть и другой способ, природный, а не искусственный – психическая болезнь. Она умеет отключить сторожа, сознание.

– А если ларчик пуст?

– Тогда и гения нет. Поэтому мы и говорим о четырех факторах, поразительно сходных у гениальных людей. Первый – среди предков выдающейся личности прослеживается линия одаренности. Деда, прадеды, чаще родители были талантливы. Могли заложить в ларчик наследство. Второе. Среди предков гениальной личности практически без исключения присутствуют люди с психопатологией или выраженной душевной болезнью. Итак, гений наследует и талант, и душевное нездоровье.

– А в-третьих?

– В-третьих, у самой гениальной личности почти всегда можно обнаружить легкие, мало-выраженные или даже явные психические заболевания. Охранительные свойства сознания не зря придуманы. Психику, как и сук, на котором сидишь, нельзя раскачивать до бесконечности. И последнее, четвертое, – среди близких родственников выдающихся людей: братьев, сестер, особенно детей, – с исключительным постоянством встречаются душевнобольные люди.

– Хорошо, пусть эта формула применима к Гоголю...

– Совершенно верно: отец – литературно одаренный человек, мать, племянница – душевнобольные, сам страдал тяжелой шизофренией.

– И к Гаршину.

– У отца циркулярный психоз, мать – писательница и переводчица, брат и сам Гаршин в состоянии депрессии покончили с собой.

– А Тургенев?

– По отцу в роду множество замечательных личностей, оставивших след в истории. У матери выраженная патология характера. Приказала построить себе носилки со стеклянным куполом, в которых ее носили по деревне. С удовольствием и впрок порола собственных детей, не говоря уже о крепостных. Сам Иван Сергеевич последние годы жизни практически и не выходил из состояния психоза.

– А Лев Николаевич Толстой? Уж тверже и разумнее человека не придумаешь.

– У матери великолепные литературные и музыкальные способности, по линии отца – масса душевнобольных и психопатических личностей. Выраженная болезнь у брата, Сергея Николаевича. Сын, Лев Львович, страдал нервно-психическим расстройством, из-за чего был освобожден от военной службы. У самого Льва Николаевича, как свидетельствовали медики,

бывали истероэпилептические приступы. Аналогичные факты я могу привести из жизни Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Андреева, Чайковского, Врубеля и многих других. В свое время эта тема меня очень интересовала, и я собрал массу материалов.

– О душевном нездоровье великих русских писателей?

Костя услышал в вопросе язвительную иронию.

– Не только русских. У матери Гете была циклоидная психопатия, у сестры – маниакально-депрессивный психоз, был болен сын, да и сам он в последние годы жизни – тоже. Семья Наполеона: отец, брат, сестры могли бы занять палату в психиатрической клинике, а мать была человеком больших способностей. Жан-Жак Руссо, Шуман, Бетховен, Гюго, Фейербах, Ницше, Гегель... Вера, я не убедил вас? Ну если даже вам не удастся подняться над обывательскими представлениями...

– Не удастся, – кивнула она.

– Ко мне несколько лет назад приходила корреспондентка из журнала «Наука и жизнь». Массу времени на девицу потратил, растолковывал ей, что к чему, статью свою дал. Она потом позвонила, мол, руководство журнала против того, чтобы этот материал печатать, – не хотят чернить наших великих творцов. Я на корреспондентку в душе осерчал, а теперь думаю: хорошо, что не напечатали.

– Хорошо, – согласилась Вера. – Теперь я понимаю, зачем вы занимаетесь со своими пациентами музыкой и живописью.

– Чтобы найти гениев? Нет, столь грандиозной задачи я не ставлю. Я – лекарь, и этим все мои задачи исчерпываются. Что же касается искусства... Есть две методики. Одна – так называемая арттерапия, то бишь врачевание искусством. Это когда используются особые, даже специально созданные произведения живописи, музыки, литературы. Второе – активное участие самого больного в творческом процессе. Идея вовсе не в том, чтобы сделать человека писателем, художником или организовать ему досуг. Творчество необходимо для самовыражения, для выхода наружу скрытых, подсознательных переживаний. В процессе творения эти переживания оформляются в виде конкретных образов, и наступает своего рода примирение с ними. Кроме того, у человека повышается самооценка, он находит свое место в мире, из которого, как ему казалось, его насильно вышвырнули.

Вера посмотрела на часы – опять заболтались.

– Торопитесь? Договорим об этом в следующий раз? – спросил Костя.

– Хорошо. До свидания.

– В пятницу, в три?

– Договорились.

Вера знала, что нравится Косте. На свете было мало мужчин, которым бы она не нравилась. Женщины и задуманы природой, чтобы нравиться мужчинам. Все женщины без исключения. Ведь у всех есть женихи, мужья или поклонники. Вера совершенно искренне полагала, что ее так называемый успех у мужчин нисколько не превышает тот, которым пользуется Анна, ее несколько вульгарная подруга Ольга или любая другая женщина. И это ровным счетом ничего не значит. Постоянная составляющая человеческого бытия, как присутствие солнца на небе.

Вера знала, что красива и привлекательна. Знала, о чем будут шептаться у ее гроба: «Изумительная была женщина. Она даже сейчас красива». Именно эти слова она слышала на похоронах бабушки, а потом мамы. Никакой Вервиной заслуги нет в том, что у нее правильный ровный нос, высокий лоб, выразительные глаза и стройная фигура балерины. Наследство женщин ее рода, а кичиться наследством неблагородно. Еще важнее относиться к людям ровно и доброжелательно, хотя и держать их на определенном расстоянии, не посвящая никого в свои проблемы и переживания.

Глава 10

Анна не доверяла Луизе Ивановне ни дочь, ни мужа. На предложение свекрови отправить Дарью жить к ней Анна ответила решительным отказом: «Вы с ней не справитесь».

Луиза Ивановна не была злой, капризной или вздорной особой. Напротив, очень милой и доброй женщиной. Именно за то, что она была женщиной, а не матерью, Анна ее недолюбливала. Мама Анны и Татьяны – это настоящая мама, потому что в дочерях, в их мужьях, во внуках, в племянниках – во всех молодых родственниках она видела детей, о которых надо заботиться и у которых необходимо по возможности отобрать все проблемы и переложить на свои плечи. А Луиза Ивановна с ее женской беспомощностью и трогательной растерянностью невольно требовала большого внимания к самой себе: ей нужны были забота, сочувствие, комплименты, подарки, участие в ее трагедиях – вроде объяснения с сантехниками из ЖЭКа. Муж Луизы Ивановны умер, когда Юре еще не исполнилось и четырнадцати. Сын естественно и незаметно стал опорой матери.

Анне никогда не приходило в голову, что именно беззащитность и слабость Луизы Ивановны помогли воспитать в сыне мужские качества – способность принимать решения и брать на себя ответственность. Она, Анна, также не замечала деликатную покорность, с которой Луиза Ивановна переживала далекое от теплоты отношение невестки. И если бы кто-нибудь сказал Анне, что ее чувство называется банальным словом «ревность», она бы возмутилась. Просто место мамы в ее душе и в жизни было занято, и никакая Луиза Ивановна ей не нужна.

Анна не оценила того, что свекровь против ожидания не пала духом после трагедии с Юрой. Вернее, Анна приготовилась к тому, что раскисшая от слез Луиза Ивановна станет искать у нее сочувствия и поддержки. Заранее настроилась дать свекрови отпор. А когда никакого отпора не потребовалось, Анна по инерции задуманного решительно отmelda все предложения о помощи. Но вскоре занятие для свекрови нашлось.

Деньги, отложенные для обустройства новой квартиры, стремительно утекали. Молоко для Кирюши, продукты с рынка для Юры, поездки в больницу на такси, лекарства, консультации у медицинских светил, массаж, лечебная физкультура – все требовало денег, денег и денег. На валютном счете во Внешторгбанке у Самойловых, как и у всех советских специалистов, работавших за рубежом, лежали доллары, три тысячи. Но в стране царила неразбериха, деньги практически не выдавали, нужно было несколько дней отмечаться в очереди, чтобы попасть к кассе, да и снять позволялось только сотню долларов. Кроме того, счет был оформлен на имя Юры, как и новенькие «Жигули», стоявшие под окном.

Из Перу Анна привезла много серебряных украшений, почти полную обувную коробку. Там они стоили совсем недорого. Большую часть браслетов, колец, цепочек и сережек она раздарила подружкам и врачам. Оставшееся попросила свекровь сдать в комиссионный ювелирный магазин. Луиза Ивановна привезла неутешительное известие: серебро могут принять только как лом, то есть на вес, сумма, которую выплатят, смехотворна.

– Тогда вам придется самой их продать, – решила Анна. – Сейчас весь центр Москвы запружен барахольщиками. Встанете где-нибудь у ЦУМа, разложите все и будете торговать.

– Анечка, я никогда подобным не занималась, – растерялась Луиза Ивановна.

– Знаю. Но у нас нет денег даже на то, чтобы вызвать нотариуса в больницу и оформить все доверенности. У Кирилла нет коляски. Вы видели когда-нибудь на улице младенцев, с которыми гуляют без коляски? Вот именно, только мы одни. Да что я вас уговариваю! Вы пойдете на барахолку или нет?

Луиза Ивановна пошла. И с удивлением обнаружила, что ее коллеги по прилавку вовсе не скандальные торговки, чего она так опасалась. Рядом с Луизой Ивановной продавали личные вещи вполне интеллигентные женщины, даже одна кандидат наук. Появились и продавцы,

которые работали с перекупщиками, привозившими ширпотреб из-за границы. Их называли забавным швейным термином – челноки.

Когда «серебряные» деньги кончились, Анна попросила продать шубу и новые, еще ни разу не надетые по причине беременности платья. Потом в ход пошли хрусталь, столовые приборы, посуда, стереосистема. Даже одежду, которую Анна покупала в Лиме детям на вырост, пришлось продать. Каждый раз, когда деньги опять начинали таять, Анна ходила по квартире, раскрывая шкафы в поисках вещей, которые могли иметь спрос, которые можно снести на рынок. Татьяна с болью наблюдала, как сестра распродает все то, что любовно покупала в новую квартиру, но другого выхода предложить не могла. Единственным, с чем Анна не соглашалась расстаться, были вещи Юры. Его рубашки так и лежали упакованными в пластиковые пакеты, в шкафу висели новая дубленка и костюмы, пылились туфли.

Кроме счета в банке и автомобиля, некий финансовый резерв представляли собой золотые украшения, которые Юра дарил Анне: серьги и кольцо с изумрудами, окруженными бриллиантовой крошкой. Расставаться с ними было очень жаль. Но больше выносить из квартиры нечего: шторы с окон и те сняли. С другой стороны, отдавать драгоценности Луизе Ивановне для продажи с рук тоже нельзя: ее могли ограбить. Покупательницу нашла Ольга. Но цену, по меньшей мере в два раза заниженную – пятьсот долларов, – повысить ей никак не удавалось.

– Сволочь жирная, – жаловалась Ольга, – завотделением наша. С больших деньги гребет лопатой. У нее этих бриллиантов – как у меня перловки в рассольнике. Но не уступает. Говорит, по нынешним временам это крупная сумма. Гадина! Ань, соглашаться или нет?

– Соглашаться. У меня безвыходное положение. Через три дня забираю Юру из больницы, даже перевезти его не на что. Не говоря уже обо всем остальном.

– Отдала бы ты Юрку в санаторий для инвалидов. А поправится или как там, заберешь. Ну куда ты без работы, без профессии, с двумя малыми детьми на руках?

– Ты с ума сошла! Какой санаторий? Чтобы его там загубили? У него реабилитация только началась.

– Не дури, слезы это, а не реабилитация. «Мама, дай» говорит, конечностями едва шевелит, даже посадить его не могут.

– Ольга, прекрати, ты в черепно-мозговых травмах ничего не смыслишь. Когда ты деньги можешь привезти?

Глава 11

Вера стояла у раскрытого шкафа и выбирала вечернее платье для похода в ресторан с Игорем Самойловым. Она не любила наряжаться в парадные одежды, чувствовала себя в них липкой лентой для ловли мух. Мух заменяли оценивающие взгляды мужчин и женщин.

Игорь заметно облегчил ее жизнь в последние две недели. Каждое утро подбирал ее у станции метро «Медведково» и вез в Крылатское. Дорога занимала около сорока минут, в течение которых Игорь развлекал Веру веселыми историями. Он относился к тому типу людей, которые не подвержены рефлексии «удобно-неудобно»: Игорю было удобно открыть любую дверь, вступить в разговор с незнакомым человеком, выпить и с пьянчужкой в грязном пивбаре, и с министром на приеме.

Внешность у Игоря была деревенско-крестьянской: коренастый, широколицый, курносый – в любой стране мира соотечественники сразу узнавали в нем своего – наш, русский. Актеры с подобным типом лица в народе любимы и популярны. Реши Игорь сменить профессию, наверняка добился бы успеха. В студенческом театре МАИ он блестяще играл глуповатых студентов и туповатых профессоров. Но сам был далеко не глуп и не туп: обладал быстрым умом, хорошей реакцией, легко разбирался в людях и умел их использовать. Он занимался вертолетами: то ли строил, то ли ремонтировал, то ли торговал – Вера точно не поняла. Она полагала, что их с Игорем роднит особое братство милосердия, которое возникает между чужими людьми, оказавшимися у постели тяжелобольного человека.

Вера хотела предложить Игорю самому забирать грудное молоко, тогда она сможет пораньше приезжать к Самойловым. Но потом отказалась от этой мысли. Донор Люся – существо не для слабонервных, и тем более не для мужских глаз.

Люся жила в маленькой однокомнатной квартире с мамой, мужем и тремя детьми. Порядок у них если и поддерживался, то заметить его в тесноте было сложно. Несколько раз Люся, не успев приготовить молоко к Верину приезду, сцеживала при ней. Портреты живописных мадонн не имели с этими сценами ничего общего. Люсина грудь напоминала громадные узбекские дыни. Сквозь желтоватую кожу просвечивала сетка голубых вен, смотрящие в пол коричневые соски были размером с блюдце. Люся мыла их под краном в кухне, подставляла баночку и начинала быстро сцеживать молоко. Струя била с напором, молоко пенилось. Люся, ни разу не спросившая, как поживает выкармливаемый ею ребенок, говорила только о себе и уникальной способности ее тела зарабатывать деньги.

– С первым я, дура, молоко в унитаз выливала, – рассказывала она. – Целыми днями цедила – и выливала. А со вторым уже продавать начала. Пальто зимнее купила, сервант мы справили, ребятишкам по мелочи. Теперь на «Запорожец» копим. Машины-то подешевели, а на квартиру все равно не хватит. Да и дать нам должны, десять лет на очереди стоим. Кроме вас, я еще двум продаю. Мои сиськи больше моего мужика зарабатывают.

Пообщавшись с Люсей и посмотрев на существование ее семьи, Вера должна была признать – ее представление о жизни большей части общества оказалось наивно-романтическим.

Два дня назад Игорь обратился к ней с просьбой:

– Вера, вы не хотите, точнее, не могли бы поработать переводчиком? Вы ведь знаете испанский. К нам приезжает делегация из трех человек, мексиканцы.

– Извините, но у меня совершенно нет времени.

– Всего один день, – уговаривал Игорь. – До обеда переговоры, экскурсия в Кремль и вечером ужин в ресторане. Оплата – десять долларов в час. Вы бы меня очень выручили.

Двенадцать часов – сто двадцать долларов, подсчитала Вера. Большие деньги. Можно купить Анне стиральную машину. У Татьяны руки совсем распухли от стирки. И колясочку Кирюше.

На молоко для малыша Вера уже несколько недель тратила свои сбережения – те, что они с Сергеем отложили на отпуск. Сергей, конечно, не возражал бы, но и эти деньги кончаются.

Вера ответила Игорю согласием и сегодня целый день провела в обществе мужчин: Игоря, его начальника Павла Евгеньевича, высокопоставленного чиновника, и троих мексиканцев, галантных до чрезмерности, как и большинство латиноамериканцев. На переговорах в министерстве обсуждались достоинства вертолетов. Вера не знала многих терминов и названий деталей. Ей помогал, указывая на нужные узлы на чертежах, Игорь. О цели переговоров речь не шла, и Вере даже показалось, именно по причине ее присутствия. Зато на нее градом сыпались комплименты иностранцев, а Павел Евгеньевич, показывая глазами на Веру, одобрительно кивал Игорю, на лице которого в ответ появлялась самодовольная гримаса. Вера не подавала виду, что замечает эти перемигивания, но, когда Самойлов по-хозяйски положил руку на спинку ее стула во время обеда, чуть развернувшись, пристально посмотрела на Игоря и молча ждала, пока он не убрал руку. Отвечая на вопрос одного из мексиканцев, где сеньора изучала испанский, Вера перевела разговор на своего мужа, рассказала о том, что он сейчас находится в их родном Мехико. Наличие мужа-дипломата и ее профессия – экономист-международник – заставили иностранцев по-иному взглянуть на Веру и, соответственно, на Игоря.

И вот теперь предстояло пережить еще вечер – Большой театр и ужин в ресторане. Днем Вера была в дорогом, но с виду простом костюме из льна, сейчас же требовался вечерний наряд. Выбор делался из двух имевшихся парадных платьев: длинного шелкового на тоненьких бретельках, к которому полагалась норковая накидка, и черного бархатного с юбкой до середины икр. Вера вытащила из шкафа бархатное. Оно было закрытым, под шею, строгим, прямым. Шарм заключался в кокетке и рукавах из тонкой черной гипюровой сеточки. Под платье нужен бюстгальтер без бретелек, чтобы не просвечивали через сеточку. Вера никак не могла найти его в бельевом ящике, вышвырнула на пол все содержимое. На кого она злится? На себя? На Игоря? На Анну? Подумаешь, мимоза какая. Никто ее не тянул на аркане в переводчицы. Никто и ничем не оскорбил. Пока. Не нравится ей, как Игорь на нее смотрит? А деньги получать нравится? Будь на его месте Костя, она бы прихорашивалась с удовольствием. Это что, не подло? На работу не ходит – ладно, там редко кто появляется. Но ведь и в церкви давно не была.

– Просто падшая женщина, – сказала Вера вслух своему отражению в зеркале, укладывая волосы на затылке в улитку. – Муж за порог, а она с одним фланирует по аллеям, с другими по ресторанам шляется.

Она вышла на улицу и увидела Игоря у машины.

«Сейчас он скажет, – подумала Вера, – ты выглядишь на все сто, классно, обалденно или что-нибудь в этом роде».

– Ты выглядишь изумительно, – сказал Игорь.

Вера мысленно обозвала себя снобствующей кокеткой.

Ужин в ресторане прошел против ее ожиданий приятно и спокойно. Говорили о русском балете и пирамидах майя, о политике и национальной кухне. В истории двух стран обнаружили забавное совпадение: и в России, и в Мексике революции произошли в 1917-м. С тех пор и там, и там власть держала одна партия. Мексиканцы поругали свой капитализм, а русские – социализм. Латиноамериканцы хорошо танцевали, по очереди приглашали Веру и элегантно, чутко прислушиваясь к незнакомому музыкальному ритму, вели в танце. Игорь и Павел Евгеньевич не танцевали. Будто дарили Веру гостям.

Игорь привез Веру домой уже за полночь.

– Провожу тебя до двери, – сказал ей, останавливая машину.

– Не стоит, – возразила она, – у нас в подъезде тихо.

– Не скажи. Ведь именно у вас Юра навернулся. Хочу быть спокоен. Кроме того, не совать же тебе деньги на улице.

«Я думала, ты уже позабыл о них, – нахмурилась Вера. – Можно было в машине отдать. И на «ты» мы не переходили».

У дверей квартиры Игорь продолжил наступление:

– Ты не нальешь мне стакан воды? Осетринка была солоновата.

Вера никогда не оказывалась поздно ночью в пустой квартире с посторонним мужчиной. И правильно делала. Как только они вошли в кухню, Игорь притянул ее к себе, одной рукой обнял за талию, другую положил на шею, не давая Вере вывернуться, и впился в ее губы.

Это была его обычная манера обращения с женщинами: сначала развеселить потешными историями, а потом провести решительный штурм. Восемь из десяти сдавались после вялого сопротивления. Игорь был убежден, что так же действовал бы любой мужик. Но многие боятся оплеух. Глупости. Стыдно получить пощечину от мужика, а от бабы – мелочь.

Вера ему пощечину не закатила. Ее замешательство длилось всего секунду – она уперлась руками в его грудь и резко отвернулась, а на ее лице было написано такое отвращение, что, если бы ее сейчас стошнило, Игорь не удивился бы. Вера молча вырывалась, одной рукой отталкивала его, а другой вытирая губы и брезгливо отплевываясь.

Лучше бы она его обругала, послала к чертовой бабушке, расплакалась, наконец. Но эта брезгливость была хуже любой истерики: ему продемонстрировали, что он грязный вонючий выродок, который забыл свое место. Игорь опустил руки.

Вера ничего не демонстрировала, она действовала рефлексивно, так же, как если бы в рот ей вместе с молоком попала муха. Она отошла в сторону и все терла и терла губы: проводила по ним, смотрела на кончики пальцев и снова вытирала.

– Раньше не понимал, почему мужики баб боятся, – прошипел Игорь зло, – теперь понял.

– Что? – Вера растерянно посмотрела на него и с трудом заставила себя перестать оттирать губы.

– Я тебя убить готов!

«Действительно готов, – подумала Вера, глядя на его перекошенное от ярости лицо. – Но почему? Кажется, это я должна желать ему провалиться на месте».

– Игорь, я на вас не обижаюсь, – сказала она.

– Не обижаешься? – Он задохнулся от возмущения. – За то, что я со свиным рылом да в калашный ряд полез? Ты, понимаешь, жена дипломата, а я мразь подзаборная.

– Дочь и внучка.

– Что?

– Не только жена, но еще дочь и внучка дипломатов. И это не имеет никакого значения. Очевидно, мое согласие сопровождать вашу делегацию было вами неправильно истолковано. Каким-то образом я дала вам повод считать, что я жду развития наших отношений. Прошу прощения, если вызвала у вас необоснованные надежды. Они не соответствуют действительности.

– Не за то извиняешься. – Игорь немного успокоился.

– Я благодарна вам, – продолжала механически твердить Вера, – за то, что вы избавляли меня от необходимости ездить к Самойловым на метро. Но, право, считала, что ваша любезность в большей степени адресована семье ваших друзей, а не мне лично.

– Вера, за что ты меня с дерьмом смешиваешь? Что я мерзкого сделал? Поцеловать тебя хотел. Это преступление?

– Я хочу, чтобы вы сейчас же ушли.

– Уйду. Насиловать тебя не буду, совершенно расхотелось. Такие женщины, как ты, множат стройные ряды импотентов.

Игорь никогда не оставлял без ответа ни удар в глаз, ни словесное оскорбление. Но что можно сделать этой мраморной скульптуре, застывшей у окна?

Он вдруг вспомнил случайно подслушанные много лет назад слова директрисы школы. Игоря тогда вызвали в ее кабинет, чтобы отчитать за веселую проделку: подложил в портфель девчонке, которая ему нравилась, живого мышонка. Визг стоял оглушительной силы – через три этажа слышно было. Получив порцию наставлений, он замешкался в тамбуре между двумя дверями и услышал, как директриса говорила классной руководительнице: «Трагедия Самойлова всегда будет в том, что ему окажутся недоступны девушки, наиболее привлекающие его внимание. А те, кому он будет нравиться, оставят его равнодушным».

Чушь собачья! Скоро любая девушка рада будет ему на шею броситься. Игорь усмехнулся – он не собирается изобретать велосипед: покупать женское внимание придумали задолго до него. Вот и Вера наверняка не откажется от денег.

– За мной должок, – он достал бумажник, – твоя заработная плата. За моральный ущерб я прибавлю.

Он достал две бумажки по сто долларов, положил их на стол и вышел.

Вера рухнула на стул и разрыдалась. Она скомкала деньги и швырнула их в угол.

– Бессовестный, бессовестный, – всхлипывала она. – Грязно, унижительно – за что?

Она плакала, потому что чувствовала – «за что» существует. Случившаяся безобразная сцена – естественный финал ее греховных мыслей, чаяний, поступков. И не важно, что мысли были до конца не продуманы, чаяния не осуществлены, а поступки не совершены, – она вступила на стезю греха. Святые отшельники не совершали плохих поступков, но они истязали свою плоть даже не за греховные мысли, а за зачатки этих мыслей. Она, конечно, не святая и, поддаваясь искушению, больше думала не о муже, а о докторе Колесове. Она наказана за свою гордыню: полагала, что чувство ее к Сергею незыблемо и беречь его не нужно. Ее наказала рука другого человека – и в этом знак Божий и предостережение.

Вера долго стояла под душем, обдумывая свою жизнь и свое поведение. Быстрые струйки воды бежали по распущенным волосам, по спине, собирались в два маленьких ручейка и стекали с груди. Если бы можно было смыть с себя глупые мысли и мечты, очиститься от пустого, бессмысленного существования!

Она завернулась в толстый махровый халат, прошлепала на кухню. Нашла скомканные купюры и разгладила их. Хватит ли этих денег на коляску Кирюше и стиральную машину? Завтра надо встать пораньше, добираться в Крылатское опять придется на метро.

Глава 12

Бывшую жену Кости звали Зульфия. Жгучая брюнетка татарских кровей, она с первого взгляда ослепляла восточной красотой. Зульфия была не смазливенькой, симпатичной, привлекательной, а именно красивой – вызывающе контрастной на фоне других девушек. Большие, черные, без зрачков глаза, опущенные густыми, длинными ресницами, широкие, красиво изогнутые брови, крупный нос, всегда подведенные яркой помадой пухлые губы – все было большое, но пропорционально большое, словно преувеличенно красивое. Зуля была одного роста – почти метр девяносто – с Костей, но двигалась грациозно и плавно. Костя влюбился в нее как в инопланетянку, вернее, как в человека из будущего – большого и неправдоподобно красивого. Они вместе учились в аспирантуре и решили пожениться через месяц после знакомства.

Положенные до свадьбы три месяца – срок, который в ЗАГСе отводился на обдумывание принятого решения, – оказались для Кости периодом постепенного угасания его чувства. Он был влюблен в Зулю, как ушиблен, один месяц, а потом будто оправился от удара или протрезвел после обильных возлияний. Каждый день приносил лишь новые разочарования и развенчивания кумира. Профиль Зули уже казался Косте весьма далеким от женственности профилем волевого римского полководца, яркая косметика подчеркивала не только достоинства, но и недостатки лица – неправильно вырезанные ноздри, пористую кожу, подчас неаккуратно выщипанные усики, клыкастые зубы. Исчезало чувство восхищения, а вместо него нарастало ощущение обмана и имитации. «Имитация» – это слово очень точно подходило к Зуле. Шуба кроликовая, но обязательно под норковую, джинсы из Конотопа, но с фирменной наклейкой, духи псевдофранцузские, туфли псевдоитальянские, костюм псевдоанглийский, диссертация псевдонаучная, а мысли псевдооригинальные. Зуля с восторгом рассказывала Косте о приобретении фальшивок, однажды даже предложила купить имитацию книжной полки со словарями Брокгауза и Даля. Он оторопел от подобной пошлости. А Зуля как акт особого доверия выворачивала перед ним изнанку своих ухищрений, ждала высокой оценки. Обидеть ее разговорами о хорошем вкусе было все равно что обидеть ребенка, доверившего тебе свою тайну.

За две недели до бракосочетания он уже твердо знал, что совершает ошибку. Но они оказались в капкане, из которого он, Костя, мог вырваться безболезненно, а Зуля – с большими потерями. Для ее многочисленных родственников сшитое подвенечное платье, закупленные продукты, разосланные приглашения не могли отмениться без позора и в одночасье. Никто, в том числе и Зуля, пребывавшая в радостном возбуждении и хлопотах, не подозревал, что творится в Костиной душе. Он вдруг оказался пленником парадокса: жениться на девушке без любви – благородно, бросить перед свадьбой – подло. Несколько несчастливых лет, а потом развод – для доброго имени женщины лучше, чем слава покинутой невесты. Но почему, рассуждал Костя, его брак обязательно будет несчастливым? Просто он несколько раньше вступает в ту стадию, к которой многие мужья приходят через год, три, десять лет брака. У него интересная научная работа и врачебная практика, супружеские обязанности в постели с Зулей не вызывают у него отвращения – что еще надо? Стерпится слюбится.

Не стерпелось и не слюбилось. Зуля приходила домой в два часа дня, он – в десять вечера. Она рассказывала – он не слушал. Она советовалась – он предлагал поступить, как ей больше нравится. Она планировала их жизнь – он был вечно занят для реализации этих планов. Она готовила ужин – он проглатывал, не замечая того, что лежит в тарелке. Она просила купить хлеб – он забывал. Она читала бульварные газеты, он – зарубежные научные журналы. Она хотела нежности – у него ее не было.

На Костю обрушивался водопад упреков: ты меня не замечаешь, ты ко мне невнимателен, ты не вынес мусорное ведро, ты не заметил мою новую прическу, ты не поздравил мою сестру

с днем рождения, ты работаешь в выходные, ты приходишь поздно, ты мало зарабатываешь, ты не интересуешься моими делами, ты не сказал, не сделал, не сходил, не купил, не включил, не выключил, не вздохнул, не выдохнул. Костя понимал, что виноват перед женой, но, кроме мирного сосуществования, ничего дать ей не мог. Он научился слушать Зулю, не слушающая. Поток ее слов не тормозил ход его собственных мыслей. Но когда начались истерики со слезами, с битьем посуды и швырянием пепельниц в лицо, отмалчиваться стало невозможно. Он предложил разехаться, наспех собрал вещи и отбыл к родителям.

Костя занимался окончательным оформлением диссертации, проходил предзащиту. Ситуация складывалась таким образом, что его могли провалить, а могли вместо кандидатской засчитать докторскую. В суматохе и волнениях он не заметил отсутствия Зуди в своей жизни. И когда однажды ему понадобилось заехать к ней за какой-то брошюрой, пережил настоящий шок.

Он подходил к подъезду одновременно с высокой, смутно знакомой женщиной, придерживал дверь, они вместе вошли в лифт.

– Ты напрасно изображаешь спартанское хладнокровие, – сказала она.

Это была Зуля! Чудовищно! Родная жена оказалась ему «смутно знакомой»! От стыда и раскаяния Костя был готов бухнуться перед ней на колени. Он обнял Зулю и крепко прижал к себе. Лифт остановился, но он не отпускал ее.

– Мы с тобой несчастные люди, – пробормотал Костя.

– Пойдем домой, – хихикнула Зуля.

Его поведение и слова она восприняла как манифест о капитуляции. Капитуляцию следовало подсластить милостью победителя. Милостями одаривали в постели. Костя не смог отказать. Ловушка снова захлопнулась. И он вдруг понял, что это может повториться второй, третий, десятый раз – продолжаться всю жизнь. Его равнодушие, ее истерики – и клацанье капкана.

Нет, уж лучше предстать подлой скотиной. Только подлая скотина может сказать женщине, с которой только что переспал, что он ее не любит. Залить в себя стакан коньяку и долго говорить. Как под наркозом – ни слова потом не мог вспомнить.

Зуля подала на развод, они разошлись.

Теперь в его жизни появилась Вера. «В его жизни появилась» – Костя стал думать любовными штампами. Вот еще – «он никогда не испытывал ничего подобного». Самое забавное – все правда. Хотя его чувство к Вере было корыстным. Разговаривая с ней, Костя нравился сам себе – становился умнее, остроумнее, поражался вдруг выплескивавшимся из него оригинальным мыслям, каламбурам, красивым оборотам речи. Вспоминая ее лицо, волосы, жесты в одиночестве, он неожиданно придумывал интересный ход, нестандартное решение, связанные с профессиональными проблемами. Она вдохновляла его.

Костя не мог сказать – красива ли была Вера. Он помнил свое первое впечатление – вроде симпатична. Она была абсолют, к которому неприменимы понятия красоты или некрасивости, доброты или недоброты, скромности или нескромности. Он уже не думал об утомительности длительной осады. Разговаривать с ней, ухаживать за ней – удовольствие, которое Костя не променял бы на все мирские блага.

Но Вера почему-то не пришла в пятницу. Сегодня был вторник, и снова он не увидел ее на аллее в центре больничного парка. Может быть, она заболела? У Кости не было номера домашнего телефона Крафтов. Но он записан на титульном листе истории болезни Анны Рудольфовны. Не успел Костя подумать о том, что надо отправиться к Галке, как она явилась сама.

Галине очень подходила фамилия, полученная от мужа, – Пчелкина. Невысокого роста, худенькая и юркая, она взбивала редкие, но пушистые волосы, и они светились, как крылышки у пчелки.

– На стульчике качаемся, доктор? – спросила Галка, поздоровавшись.

– Ага. Предаюсь мировой скорби.

– Дамочка твоя не пришла, сегодня не ее день?

Костя с грохотом поставил стул, уперся руками в стол.

– Что ты имеешь в виду?

В ординаторскую вошли несколько врачей, они услышали его вопрос.

– Я имею в виду день рождения моей старшей сестры Зои Павловны, – ответила Галина. – Знаешь, какие она кулебяки печет? Пальчики оближешь. Как верный товарищ говорю – пироги еще остались. Вино выпили, а кулебяки могу по знакомству устроить. Приходи, пока практиканты все не слопали.

Галка захлопнула дверь. Костя перебросился несколькими фразами с коллегами, расписался на приказе об усилении мер пожарной безопасности, который принесла секретарь главного врача, и вышел из кабинета.

Он шел в геронтологическое отделение и думал о том, что мог бы рассказать Галине, надежному и проверенному товарищу, о своих чувствах к Вере. Костю уже давно подмывало поделиться с кем-нибудь своим восторгом. Но было что-то ироничное и презрительное в интонации Галины.

– Сначала будешь пироги есть или разговоры разговаривать? – спросила Галина.

– Оставь пироги практикантам. Что ты хотела до меня донести? Какие сплетни?

– Я? Сплетни? – Галка насмешливо пожала плечами.

– Не крути, сорока, давай строчи.

– Без грубостей попрошу. Женщина, можно сказать, в смущении пребывает, не знает, как начать извержение мудрых мыслей.

Галка кривлялась, но Костя видел, что ей в самом деле неловко.

– Начни с главного, то есть с выводов.

– Вывод, Колесов, такой: ты своими прогулками с дамой голливудской красоты протаптываешь себе дорогу в ад.

– Кому?... Какое?... Дело?... До моих прогулок? – Костя зло отчеканил каждое слово.

– Ну ты даешь, какое дело! У нас больше половины женского персонала либо не замужем, либо разведены. Плюс влюбленные в тебя пациентки. Ты же перспективный мужчина, Колесов. Не женат, не пьешь, хорош собой. Что нормальной бабе еще нужно?

– Всем прекрасно известно: я на работе амурных интрижек не развожу.

– Не разводил до недавнего времени. А сейчас дважды в неделю вся клиника из-за занавесок наблюдает ваши свидания.

Костя представил теток, подглядывающих за ними, вспомнил любопытствующие взгляды тех, кто встречался им во время прогулок.

– Ну и черт с ними! – сказал он вслух. – Было бы из-за чего сплетни разводить.

– А ничего не было? Пока не было? – заинтересованно спросила Галка. – Ладно, не зеленой. Думаешь, мне удовольствие доставляет копаться в твоих интимных делах?

– Доставляет, как и всему остальному контингенту.

– И тебе хочется послать все подальше?

– Что я и делаю.

Костя встал и направился к выходу. Сейчас он выйдет и так хлопнет дверью, что все старухи в отделении подавятся своим обедом.

– Костя, говорят, Мырма принесла из дому бинокль и наблюдает за вами.

В доперестроечные времена Мырма – Наталья Петровна Колобкова, заместитель главного врача – была в силе. Большое начальство привечало ее за покладистость при вынесении липовых диагнозов диссидентствующим противникам режима. Наталью Петровну тогда за глаза звали не Мырмой, а Кремлевской Подстилкой. Но начались разоблачения, появились

в печати свидетельства того, что в психушках держали здоровых людей, фамилия Колобковой замелькала в позорных списках. Мымра присмирела и все силы бросила на то, чтобы удержаться в кресле заместителя главного врача. Это ей, матерой интриганке, удалось. Но она по-прежнему не могла жить без стравливания сотрудников, без обласкивания любимчиков-доносчиков и без выдавливания из коллектива строптивых. Естественно, получалось, что строптивыми, неподходящими работниками были те, кто вкалывал по-настоящему, тратил свое время на пациентов, а не на сплетни в ординаторской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.